Клуб радости и удачи

Автор:
Эми Тан

Клуб радости и удачи

Эми Тан

Шорт-лист (АСТ)

Четыре матери, четыре дочери, четыре семейные истории. В 1949 году четыре китаянки, недавно иммигрировавшие в Сан-Франциско, начали собираться, чтобы поесть димсамы, поиграть в маджонг и поговорить. Найдя друг в друге сообщниц по невыразимой утрате и неугасающей надежде, они стали называть себя Клубом радости и удачи. Вместо того, чтобы предаться печали, они решили держаться вместе: «отчаяние для нас было равносильно желанию вернуть то, что уже навсегда потеряно, или продлить то, что и так уже невыносимо». Спустя сорок лет история продолжается.

Эми Тан мудро и чутко описывает иногда болезненную, часто нежную и всегда глубокую связь между матерями и дочерями. Читателю остается лишь последовать за удивительным даром этой невероятно проницательной рассказчицы.

Эми Тан

Клуб радости и удачи

Роман

Amy Tan

«The Joy Luck Club»

© Amy Tan, 1995

© Савоскул О. С., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие переводчика

Роман «Клуб радости и удачи», увидевший свет в 1989 году и выигравший в том же году Национальную книжную премию, очаровывает с первого прочтения. Американская писательница Эми Тан, родившаяся в 1952 году в семье эмигрантов из Китая, написала женский вариант «отцов и детей» с на редкость изящной композицией. Книга похожа на старинный китайский аптечный шкафчик с шестнадцатью узорными ящичками, в каждом из которых лежит отдельная новелла-виньетка. Каждая из них тонко проработана и хороша сама по себе, но в совокупности отдельные части романа образуют нечто большее, чем простая сумма частей. «Клуб радости и удачи» представляет собой органично спаянное сквозными персонажами и сюжетами единое целое – вдумчивый многоплановый разговор на самые животрепещущие темы: конфликт поколений и поиски взаимопонимания между людьми, выросшими в совершенно разных условиях, процессы формирования и взросления личности, трудности и радости семейной жизни, переживания, связанные с потерей близких. Повествование все время совершает плавные переходы от ярких картинок из жизни Китая в первой половине прошлого столетия к американской действительности второй половины того века и обратно. Но вместе с тем полные драматизма сюжетные линии и четко продуманная композиция не исчерпывают собой всех достоинств книги, она настолько литературна и психологична, что по сути дела не выдержала экранизации – единственная попытка снять по ней фильм не увенчалась большим успехом, а вот книга выдержала перевод на 25 языков. И хотя главной темой романа является история китайской эмиграции и адаптации эмигрантов и их потомков в США, по большому счету он гораздо шире

и сложнее: «Клуб радости и удачи» без малейшего преувеличения можно назвать учебником жизни и книгой о надежде и любви.

Сейчас, накануне третьего издания романа Эми Тан в России, я могу сказать со всей определенностью, что мне повезло. Не каждому переводчику выпадает удача увидеть переведенное им произведение напечатанным в третий раз за двадцать лет. Мне эта удача выпала.

Мои отношения с «Клубом радости и удачи» начались в 1996 году, когда я уехала по работе на полгода в Германию и «долгими зимними вечерами» в маленьком баварском городке прочитала, а потом решила перевести для своей мамы одну-две части из «Клуба радости и удачи», а в процессе немного увлеклась и к весне почти неожиданно для себя обнаружила, что перевела практически весь роман. Вернувшись в Россию, я, чтобы «не пропадать добру», отнесла перевод в редакцию «Иностранной литературы» и с робостью стала ждать решения его судьбы. Первой удачей стало то, что довольно скоро мне позвонила Лариса Васильева, бывшая тогда главным редактором журнала, и сказала, что «роман хороший, а перевод оставляет желать лучшего», но, мол, попытка не пытка, давайте попробуем над ним поработать. Мы Вам дадим опытнейшего редактора Ксению Яковлевну Старосельскую, пробуйте. И мы попробовали, и работа пошла. Главный урок, который я получила в результате очень плодотворного сотрудничества с Ксенией Яковлевной, был совершенно неожиданным – оказалось, что в художественном переводе владение иностранным языком не самое главное, понять иностранный текст может каждый читающий на языке оригинала, но для переводчика куда важнее владение родным языком, потому что именно на нем надо выразить все, что хотел сказать автор произведения. К осени роман был издан, правда, в сильно сокращенном варианте – практически наполовину.

Второй удачей был звонок из издательства «Амфора» примерно десять лет спустя. Решение этого издательства впервые опубликовать роман на русском языке без сокращений означало для меня необходимость довести до ума перевод и редактирование второй половины книги, а для российских читателей – возможность прочитать ее полностью.

А еще через десять лет – такая вот странная цикличность – раздался звонок из издательства «АСТ», собравшегося выпустить «Клуб радости и удачи» на российский рынок еще раз. Для этого издания мы приготовили новую редакцию

перевода. Это пришлось сделать по нескольким причинам. Во-первых, при перечитывании предыдущего варианта перевода стало очевидным, что за двадцать лет в наш обиход вошли многие американизмы и стали настолько общим местом, что теперь их можно переводить гораздо проще. Во-вторых, нормы русского разговорного языка за это время тоже несколько трансформировались, поэтому прямую речь в тексте потребовалось привести в соответствие с современными стандартами. В-третьих, мне показалось необходимым поменять написание некоторых имен собственных в романе. Надеюсь, в новой редакции перевод будет иметь не меньший успех у российских читателей, чем в предыдущих двух изданиях.

Поработав трижды над переводом этого романа я, возможно, на сегодняшний день являюсь самым усердным его читателем. И сейчас, через двадцать лет после моего первого знакомства с ним, надо признать, что во многих отношениях книга Эми Тан превзошла мои самые смелые ожидания – даже после энного прочтения она не оставляет равнодушной, в ней есть места, которые я до сих пор не могу перечитывать иначе, как со слезами на глазах. На мой взгляд, это означает, что «Клуб радости и удачи» легко выдерживает самое главное испытание для любого текста – проверку временем, и я по-настоящему рада, что издательство «АСТ» предоставляет российским читателям еще одну возможность познакомиться с этой замечательной книгой.

Оксана Савоскул,

Таруса, 21 июля 2016 года

Благодарность

Автор глубоко признателен своим коллегам по творческому семинару за их доброжелательные критические замечания, сделанные во время работы над этой книгой. Особая благодарность Луи Дематтэ, Роберту Футхорэпу, Гретхен Шилдс, Эми Хемпел, Дженнифер Барт, а также моим родным в Китае и США.

Море цветов трем чудесным людям, встреча с которыми была для меня радостью и удачей: моему редактору Фейт Сейл, которая верила в успех этой книги, моему литературному агенту Сандре Дийкстра, которая буквально спасла мне жизнь, и моему преподавателю Молли Джайлз, которая подвигла меня на написание этой книги и вплоть до завершения работы над ней оказывала мне всяческую поддержку.

Посвящается моей матери и памяти ее матери

Однажды ты спросила, что останется в моей памяти.

Это и еще много другого.

КЛУБ РАДОСТИ И УДАЧИ

Матери – Дочери

Суюань У – Цзиньмэй (Джун) У

Аньмэй Су – Роуз Су Джордан

Линьдо Чжун – Уэверли Чжун

Иннин Сент-Клэр – Лена Сент-Клэр

Перышки из-за тридевять ли

Одна пожилая женщина вспоминала, как много лет тому назад в Шанхае купила лебедя за совсем смешные деньги. Торговка на рынке, расхваливая птицу, говорила: «Он так вытягивал вперед шею в надежде стать гусем, что теперь – посмотрите только! – стал слишком красив для того, чтобы его можно было зажарить!»

Потом эта женщина и лебедь переплыли океан шириной в несколько тысяч ли, вытягивая свои шеи в сторону Америки. В пути женщина ворковала, обращаясь к лебедю: «В Америке у меня родится дочь, в точности такая, как я. Но там никто не будет судить о ее достоинствах по тому, как громко рыгает после обеда ее муж. Там никто не станет смотреть на нее сверху вниз, потому что у нее будет чистейший американский английский, без малейших изъянов, уж я за этим прослежу. Там она всегда будет так сыта, что не сможет испить ни капли печали! И она поймет мои чаяния, потому что я дам ей лебедя – существо, которое превзошло свои надежды».

Но когда она прибыла в незнакомую страну, сотрудники иммиграционной службы отобрали у нее птицу, оставив в ее дрожащих руках одно только перышко – на память. А потом ей пришлось заполнить столько всяких анкет, что она забыла, зачем приехала и что осталось у нее за плечами.

И вот эта женщина состарилась. У нее есть дочь, которая выросла, разговаривая только по-английски и испив куда больше кока-колы, чем печали. Уже несколько лет эта женщина все собирается отдать своей дочери перо лебедя и сказать: «Это перышко на первый взгляд не представляет никакой ценности, но оно приехало издалека и принесло с собой все мои чаяния». И она все ждет год за годом того дня, когда сможет сказать это своей дочери на чистейшем американском английском.

Цзиньмэй У

Клуб радости и удачи

Отец попросил меня занять мамино место за столом для игры в маджонг в Клубе радости и удачи. Оно опустело после маминой смерти два месяца тому назад.

Папа считает, что маму убили ее собственные мысли.

– Ей в голову пришла какая-то идея, – сказал он. – Эта идея непомерно разрослась и взорвалась у нее в голове до того, как она успела ее высказать. Должно быть, она думала о чем-то очень плохом.

Врач сказал, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг. По мнению маминых подруг из Клуба радости и удачи, она умерла быстро, как кролик, не успев завершить свои дела. Предполагалось, что очередное собрание Клуба радости и удачи состоится у нее.

За неделю до смерти она позвонила мне, жизнерадостная и самоуверенная:

– Для прошлой встречи Клуба тетя Линь готовила суп из красных бобов, а я сварю темный суп с кунжутными семечками.

– Не устраивай шоу, – сказала я.

– Это не шоу.

Мама сказала, что оба супа примерно равноценны, чабудо. А может, она произнесла бутон – нечто совсем другое. Это одно из таких китайских выражений, которые обозначают лучшую часть двойственных мыслей. Я никогда не запоминаю то, что сразу не поняла.

* * *

Сан-францисский вариант Клуба радости и удачи мама организовала в тысяча девятьсот сорок девятом, за два года до моего рождения. В тот год мои родители убежали из Китая с одним только твердым кожаным чемоданом, набитым дорогими шелковыми платьями. Захватить с собой что-либо еще не оставалось времени, объяснила мама папе уже на корабле. Но его руки все еще продолжали лихорадочно перерывать скользкие шелка в поисках полотняных рубашек и шерстяных брюк.

По прибытии в Сан-Франциско папа велел маме спрятать подальше все дорогие шелковые вещи. Она не снимала коричневого китайского платья в скромную

клеточку до тех пор, пока Общество по приему беженцев не выдало ей двух поношенных платьев; сшитые на американских женщин, эти платья были ей велики. Общество состояло из нескольких седовласых дам-миссионерок из Первой китайской баптистской церкви. Из-за этих подарков мои родители не могли отказаться от их приглашения посещать церковь. Не могли они отклонить и чисто практический совет дам улучшить свой английский, посещая по средам вечерние занятия по изучению Библии, а чуть позже не посмели уклониться и от пения в церковном хоре по субботам с утра. Там мои родители познакомились с Чжунами, Су и Сент-Клэрами. Моя мама сумела почувствовать, что женщины из этих семей тоже оставили у себя за спиной, в Китае, трагедии, о которых были не в силах говорить, и привезли в Америку надежды, о которых пока еще не могли рассказать на своем скудном английском. Или, по крайней мере, распознала это по напряженному выражению их лиц. И увидела, как загорелись у них глаза, когда она посвятила их в свой план организовать Клуб радости и удачи.

Идея создания Клуба пришла маме еще во времена ее первого замужества. Это было в Куэлине, перед тем как его захватили японцы. Поэтому для меня Клуб связан с ее куэлиньской историей. Эту историю мама всегда рассказывала, чтобы не скучать, когда уже нечего было делать, когда все чашки были перемыты, а пластиковый стол фирмы «Формика» дважды вытерт, когда папа погружался в чтение газет, прикуривая одну от другой сигареты «Пэлл-Мэлл», а это означало, что его лучше не беспокоить. В такие минуты мама вытаскивала коробку со старыми лыжными свитерами, которые нам присылали незнакомые сородичи из китайской колонии в Ванкувере. Она обрезала низ свитера, вытягивала из него перекрученную нитку и равномерными размашистыми движениями начинала наматывать ее на кусочек картона. Войдя в ритм этого монотонного занятия, мама приступала к своему рассказу. В течение многих лет она рассказывала мне одну и ту же историю, меняя только концовку, которая становилась все мрачнее, отбрасывая длинные тени на ее, а в конечном итоге и на мою жизнь.

* * *

– Задолго до приезда в Куэлинь я мечтала попасть туда, – начинала мама по-китайски. – Я представляла себе зазубренные пики гор, обступающие извилистую реку с зелеными берегами из волшебных мхов. Вокруг горных вершин клубились белые туманы. Если бы тебе удалось проплыть вниз по течению реки, питаясь волшебным мхом, ты бы набралась сил для того, чтобы

взобраться на вершину. Оступившись, ты бы падала на мягкое ложе из мха и лишь смеялась. А достигнув вершины, с которой виден весь мир, испытала бы такое счастье, что его бы тебе хватило на всю оставшуюся жизнь.

В Китае все мечтали о Куэлине. Приехав туда, я поняла, какими робкими были мои мечты и какими жалкими – мысли. При виде холмов я рассмеялась и вместе с тем содрогнулась. Их вершины были похожи на головы гигантских рыб, пытающихся выпрыгнуть из котла с кипящим маслом. За каждым холмом проступали тени других рыб, а за ними все новые и новые тени. Но стоило облакам чуть-чуть переместиться, и холмы мгновенно превращались в медленно наступавших на меня чудовищных слонов! Представляешь? А у подножия холмов были потайные пещеры, на сводах которых росли целые огороды из свисающих вниз камней, формой и цветом напоминающих капусту, арбузы, репу и лук. Ты представить себе не можешь, какое это было удивительное и прекрасное зрелище.

Но я приехала в Куэлинь не для того, чтобы любоваться его красотами. Человек, который был моим мужем, привез меня с нашими двумя малышками в Куэлинь, потому что считал, что там мы будем в безопасности. Он был офицером Гоминьдана. Оставив нас в маленькой комнатушке двухэтажного дома, он уехал на северо-запад, в Чункин.

* * *

Мы знали, что японцы побеждают, даже когда газеты писали обратное. Каждый день, каждый час в город стекались тысячи людей. Они толпились на тротуарах и искали, куда бы приткнуться. Они приезжали с востока, с запада, с севера и с юга. Бедные и богатые, кантонцы и северяне, а кроме китайцев еще иностранцы и миссионеры всевозможных религий. И, конечно, гоминьдановские солдаты и офицеры, полагавшие, что они лучше всех.

Город был переполнен сорванными с насиженных мест людьми. Если бы не война, раздоров среди этого пестрого сборища было бы не избежать, причин хватало. Представь себе: жители Шанхая и крестьяне с севера, ростовщики и цирюльники, рикши и беженцы из Бирмы. Каждый смотрел на окружающих сверху вниз. То, что заплеванный тротуар был один на всех и что все страдали от одинаково изнурительного поноса, значения не имело. Все мы дурно пахли, но каждый утверждал, что другие пахнут гораздо хуже. Каково? А как я

ненавидела американских пилотов, провожавших каждую женщину возгласами «Уй-йя!», лишь бы вогнать ее в краску. Но самыми омерзительными были крестьяне с севера, которые сморкались прямо в руку и толкались, заражая всех вокруг своими грязными болезнями.

Как ты понимаешь, Куэлинь быстро потерял для меня все свое очарование. Я больше не взбиралась на вершины, чтобы воскликнуть: как прекрасны эти холмы! Меня интересовало только, какие из них уже захвачены японцами. В постоянном напряжении, с детьми на руках, я сидела в каком-нибудь из темных углов своего дома, готовая чуть что вскочить и бежать. Когда взвывали сирены, оповещая о бомбежке, мы с соседями срывались с места и, словно дикие звери, бежали прятаться в глубокие пещеры. Однако подолгу сидеть в темноте невозможно. Что-то внутри тебя ссыхается, и ты начинаешь сходить с ума от жажды света. А снаружи рвутся бомбы. Бу-ум! Бу-ум! И градом сыплются камни. Мне теперь было не до висячих грядок из кочанов и клубней. Я видела только сочащиеся каплями воды внутренности древнего холма, которые могли обвалиться прямо на меня. Можешь себе представить, каково это, когда не хочется быть ни снаружи, ни внутри, а просто нигде – взять и исчезнуть?

Когда звуки бомбежки отдалялись, мы, как новорожденные котята, выползали из пещеры и пробирались в город. И меня всегда поражало, что холмы на фоне горящего неба еще на месте, что их еще не разнесло вдребезги.

Клуб я придумала однажды летней ночью. Было так жарко, что даже мотыльки падали на землю с отяжелевшими от горячих испарений крылышками. Город был заполонен беженцами – для свежего воздуха просто не оставалось места. Непереносимая вонь от сточных канав поднималась к моему окну на втором этаже, не находя ничего лучшего, как устремиться прямо мне в ноздри. В любой час дня и ночи снизу доносились визги. Это мог быть крестьянин, перерезающий горло заблудившейся свинье, или офицер, бьющий полуживого крестьянина за то, что тот загородил ему дорогу, разлегшись на тротуаре. Я не подходила к окну, чтобы узнать, в чем дело. Чего ради? И тогда-то я подумала: нужно что-то делать, нельзя опускать руки.

Моя идея заключалась в том, чтобы собрать четырех женщин за моим столом для игры в маджонг. Я приметила, кого нужно позвать. Все мы были молоды и полны сил. Одна, как и я, была женой офицера. Вторая – девушка с превосходными манерами из богатой шанхайской семьи, незамужняя. Она спаслась от японцев, успев захватить с собой совсем немного денег. Еще одна

девушка была из Нанкина. Я никогда больше не видела таких черных волос, как у нее. По рождению она принадлежала к низкому сословию, но была очень мила и приятна и удачно вышла замуж, за пожилого человека, который умер, оставив ей достаточное состояние, чтобы она могла неплохо жить.

Каждую неделю мы складывали деньги в общую копилку и поочередно собирались друг у друга, чтобы немного развеяться. Чтобы задобрить судьбу, хозяйке полагалось подавать особую еду дяньсюнь: пирожки в форме серебряных слитков, длинную рисовую лапшу, удлиняющую жизнь, вареный арахис, помогающий зачинать сыновей, и, конечно, апельсины, от которых жизнь становится изобильной и сладкой.

При наших скромных средствах мы угощали друг друга чудесными блюдами на этих вечеринках и не обращали внимания на то, что начинка в пирожках была жесткой, а апельсины испещрены червоточинами. И ели понемногу – вовсе не потому, что еды было мало, нет, мы делали вид, будто не можем проглотить ни кусочка добавки, потому что досыта наелись днем. Мы знали, что позволяли себе роскошь, доступную лишь немногим. Мы чувствовали себя счастливицами.

Наполнив желудки, мы наполняли деньгами чашку и ставили ее на видное место. Потом садились за игральный стол. Мой стол достался мне от родителей, он был сделан из очень пахучего красного дерева, не из того, которое вы называете палисандровым, а из хонму – оно такое замечательное, что в английском для него даже слова подходящего нет. У этого стола была такая толстая столешница, что, когда на нее высыпали фишки из драгоценной слоновой кости, ничего не было слышно, кроме постукивания костяшек друг о друга.

Едва начиналась игра, все разговоры прекращались. Только когда кто-нибудь брал фишку, слышалось отрывистое «Пон!» или «Чоу!». Играть полагалось со всей серьезностью, думая только о том, чтобы своим выигрышем заставить улыбнуться судьбу. После шестнадцати конов мы продолжали пиршество – на этот раз, чтобы отпраздновать удачу. А потом болтали до утра, рассказывая истории про хорошие времена, которые уже прошли, и хорошие времена, которые еще придут.

Ах, какие это были замечательные истории! Рассказы лились рекой! Мы смеялись до слез. Взять хотя бы историю про петуха, устроившего в доме переполох и с хриплым криком взлетевшего на гору обеденных чашек, в которых на

следующий же день он преспокойно лежал, разрубленный на куски! Или о девушке, которая писала любовные письма от имени двух своих подруг, влюбленных в одного и того же мужчину. Или о глупой иностранке, которая во время фейерверка упала в обморок в туалете от разрыва шутих за стеной.

Все вокруг считали, что нехорошо устраивать еженедельные пиршества, в то время как многие в городе умирают от голода, едят крыс, а позже и помои, которыми даже крысы гнушаются. Кое-кто думал, что мы одержимы бесами – веселиться, когда в наших же собственных семьях гибнут взрослые и дети, теряются дома и состояния, мужья разлучаются с женами, братья с сестрами, дети с родителями! Хмм! У нас спрашивали, как мы можем смеяться.

Но мы вовсе не были бездушными или слепыми. Всем нам было страшно. У каждой было свое горе и своя боль. Но отчаяние для нас было равносильно желанию вернуть то, что уже навсегда потеряно, или продлить то, что и так уже невыносимо. Сколько можно сокрушаться о любимом теплом пальто, которое осталось висеть в стенном шкафу в том доме, что сгорел вместе с твоими отцом и матерью? Как долго можно хранить в памяти чьи-то руки и ноги, раскачивающиеся на телеграфных проводах, и бегающих по улицам тощих собак, у которых из пасти свисают наполовину обглоданные человеческие конечности? Что лучше, спрашивали мы друг у друга, – сидеть и покорно ждать собственной смерти с подобающими случаю мрачными лицами или самим выбирать свою судьбу?

И мы решили устраивать вечеринки и каждую неделю отмечать нечто вроде Нового года. Каждую неделю можно было оставить в прошлом все наши невзгоды. Мы не позволяли друг другу думать ни о чем плохом. Мы пировали, смеялись, играли в игры, проигрывали и выигрывали, и рассказывали замечательные истории. И каждую неделю мы надеялись на удачу. Эта надежда была нашей единственной радостью. Так мы пришли к мысли назвать наши маленькие вечеринки праздниками радости и удачи.

Мама обыкновенно заканчивала свой рассказ на бравурной ноте, хвастаясь своим умением играть:

– Я выигрывала много раз, и мне так везло, что подруги дразнили меня, спрашивая, где я научилась так хитрить и жульничать, – говорила она. – Я выигрывала десятки тысяч юаней. Однако совсем не разбогатела. Нисколько. К тому времени бумажные деньги обесценились. Даже туалетная бумага стоила

больше. И мысль, что банкнота в тысячу юаней не годится даже на то, чтобы подтереться, заставляла нас помирать со смеху.

Для меня мамина куэлиньская история долго оставалась волшебной китайской сказкой. Она всегда заканчивалась по-разному. Иногда мама говорила, что на обесцененную банкноту в тысячу юаней можно было купить полчашки риса. Рис превращался в кастрюлю каши, которая обменивалась на две свиные голяшки. Голяшки превращались в шесть яиц, шесть яиц – в шесть цыплят. И так далее.

Но однажды вечером, после того как она отказалась купить мне транзисторный приемник, и я, надувшись, просидела целый час молча, мама спросила:

– Как можно думать, что тебе не хватает чего-то, чего у тебя никогда и не было? – И рассказала мне конец истории совсем по-другому. – Однажды рано утром ко мне пришел военный, офицер, – сказала она, – и велел быстро отправляться к мужу в Чункин. Я поняла, что он советует мне бежать из Куэлиня. Я знала, что случалось с офицерами и их семьями, когда приходили японцы. Но как я могла уехать? Из Куэлиня не ходили поезда. Помощь пришла от моей подруги из Нанкина. Она заплатила какому-то человеку, чтобы он украл тачку для угля, и пообещала предупредить остальных наших подруг.

Я уложила вещи и детей в тачку и покатила ее в сторону Чункина. Через четыре дня японцы вошли в Куэлинь. По дороге от догнавших меня беженцев я узнала о кровавой резне в городе. Это было ужасно. Гоминьдановцы утверждали, что Куэлинь надежно защищен китайской армией и находится в полной безопасности. Вплоть до последнего дня газеты трубили о великих победах Гоминьдана. А вечером того дня на улицах, усыпанных этими самыми газетами, рядами, словно свежеразделанная рыба, лежали люди – мужчины, женщины и дети, не утратившие надежд, но взамен расставшиеся с жизнью. Услыхав это, я изо всех сил заспешила дальше, спрашивая себя на каждом шагу: глупо они поступили или храбро?

Я толкала тачку в сторону Чункина до тех пор, пока у нее не сломалось колесо. Я бросила на дороге свой замечательный игральный стол из хонму. Но к тому времени все мои чувства притупились, и я не могла даже плакать. Я сделала из платков перевязи, посадила в них своих девочек и повесила их на плечи. В обеих руках я несла сумки: одну с одеждой, другую с едой. Их я тащила до тех пор,

пока не стерла в кровь ладони. Когда липкими и скользкими от крови руками уже ничего нельзя было удержать, я побросала и эти сумки одну за другой.

По дороге я видела, что остальные беглецы делали то же самое, постепенно теряя всякую надежду. Дорога была просто вымощена сокровищами, и чем дальше, тем ценнее они становились. Рулоны превосходной ткани и книги. Портреты предков и плотничьи инструменты. Пока не начали попадаться клетки с притихшими утятами, разевавшими клювы от жажды, а потом даже серебряные урны, лежащие прямо посреди дороги, там, где их владельцы, расставшись с последней надеждой, решили больше не тратить на них сил. К тому времени, как я добралась до Чункина, я потеряла всё, за исключением трех нарядных шелковых платьев, надетых одно на другое.

– Что значит «всё»? – выдохнула я в конце. Меня ошеломила мысль, что такое могло произойти на самом деле. – А что случилось с детьми?

Мама не промедлила с ответом ни секунды. Просто сказала, давая понять, что больше ей уже нечего добавить:

– Твой отец не первый мой муж. И ты родилась уже потом.

* * *

Первый человек, которого я вижу, войдя в дом Су, где сегодня вечером собирается Клуб радости и удачи, – мой отец.

– Это она! Как всегда опаздывает! – восклицает он.

И это правда. Все семеро, папа и друзья моих родителей, уже здесь. Всем им за шестьдесят, а то и за семьдесят. Они смотрят на меня и смеются – всегда опаздывает, все еще ребенок в свои тридцать шесть.

Я стараюсь унять внутреннюю дрожь. В последний раз я видела их всех на маминых похоронах. Я была тогда совершенно убита и захлебывалась от рыданий. Сейчас им, должно быть, трудно себе представить, что мамино место может занять кто-то вроде меня. Один мой приятель сказал как-то, что мы с мамой похожи, что у нас одинаково изящные жесты, одинаковый детский смех и

уклончивый взгляд. Когда я не без робости сообщила это маме, она с оскорбленным видом заявила: «Ты не знаешь даже сотой доли меня! Как ты можешь быть мною?» И была права. Как я могу заменить маму в Клубе радости и удачи?

– Тетя, дядя, – повторяю я, кланяясь всем по очереди. Я всегда звала этих старых друзей своих родителей тетями и дядями. И обойдя всех, подхожу к папе.

Он рассматривает фотографии, сделанные Чжунами во время их недавней поездки в Китай.

– Посмотри, – словно из вежливости говорит он, показывая на общий снимок американской группы, стоящей на лестнице с широкими ступенями.

На этой фотографии нет ни малейшего признака того, что она была снята в Китае; с тем же успехом это мог быть Сан-Франциско или любой другой город. Но, кажется, папа даже не смотрит на фотографию. Такое впечатление, что ему это мало интересно. Он и всегда-то был вежливо-безразличен. А теперь особенно. Какое же слово есть в китайском для обозначения безразличия из-за того, что вы не можете увидеть никаких различий? «Мамина смерть совсем выбила его из колеи», – думаю я.

– Взгляни сюда, – говорит он, показывая мне следующую невыразительную фотографию.

В доме у Су оказываешься как бы под спудом тяжелых густых запахов. Слишком много китайских блюд приготовлено в слишком тесной кухоньке, слишком много ароматов, по отдельности восхитительных, спрессовано в один невидимый толстый слой. Я помню, как мама, входя к кому-нибудь в дом или в ресторан, принюхивалась, а потом произносила громким шепотом: «Я носом видеть и чувствовать липкий грязь».

Я уже много лет не бывала у Су, но гостиная за это время нисколько не изменилась. Она в точности такая, какой я ее помню. Переехав двадцать пять лет назад из Чайнатауна[1 - Распространенное в Америке название китайских кварталов; букв. Китай-город. – Здесь и далее примечания переводчика.] сюда, в район Сансет, тетя Аньмэй и дядя Джордж купили новую мебель. Она вся еще здесь и даже выглядит почти новой под пожелтевшей пленкой. Та же

полукруглая кушетка, обитая бирюзовым буклированным твидом. Те же журнальные столики в колониальном стиле из массива клена. Фарфоровая лампа с поддельными трещинами. Единственное, что меняется каждый год, – это длинный календарь из соломки, подарок Кантонского банка.

Я помню эту обстановку, потому что, когда мы были детьми, тетя Аньмэй, чтобы уберечь от нас свою новую мебель, закрыла ее прозрачной полиэтиленовой пленкой. Родители брали меня с собой к Су на собрания Клуба радости и удачи. Мне как гостье поручали следить за младшими детьми, которых было так много, что по крайней мере один из них обязательно ревел, ударившись головой о ножку стола.

«Ты ответственная», – говорила моя мама, и это означало, что, если что-нибудь будет разлито, сожжено, потеряно, сломано или испачкано, отвечать придется мне. Независимо от того, кто это сделал. Мама и тетя Аньмэй в эти дни надевали смешные китайские платья с жесткими стоячими воротниками и вышивкой шелком, изображавшей цветущие ветки. Мне эти платья казались слишком вычурными для настоящих китайцев и слишком нелепыми для американских вечеринок. В те дни, еще до того как мама рассказала мне свою куэлиньскую историю, я считала, что Клуб радости и удачи – позорный китайский пережиток, вроде тайных сборищ куклуксклановцев или боевых плясок индейцев под звуки там-тама на экране телевизора.

Но сегодня ничего таинственного здесь нет. Тетушки радости и удачи одеты в узкие брюки и яркие блузки с набивным рисунком, на ногах у них – разные варианты прочной прогулочной обуви. Мы все сидим за обеденным столом в столовой, под лампой, похожей на испанский канделябр. Дядя Джордж надевает бифокальные очки и открывает заседание зачитыванием протокола:

– «Наш капитал составляет 24 825 долларов, то есть примерно по 6206 долларов на супружескую пару или по 3103 доллара на человека. Мы продали „Субару“, потеряв на этом шесть семьсот пятьдесят. Мы купили сто акций „Смит интернэшнл“, когда курс упал до семи. Приносим благодарность Линьдо и Тиню Чжун за угощение. Особенно удался суп из красных бобов. Встречу в марте пришлось отложить. Решение о следующей встрече было принято дополнительно. Мы скорбим об утрате нашего дорогого друга Суюань и выражаем соболезнования семье Каннина У. Представлено к рассмотрению, с почтением, Джордж Су, президент и секретарь».

Мне кажется, что сейчас они заговорят о моей маме, о чудесной дружбе, которой она их одарила, о том, что я приглашена сюда в память о ней и мне предлагается занять ее место за игральным столом, чтобы не пропала идея, пришедшая ей в голову жарким днем в Куэлине. Но все лишь согласно кивают в знак принятия протокола. Даже папина голова спокойно покачивается вверх-вниз. И у меня возникает ощущение, что, занявшись новыми делами, они отложили мамину жизнь в сторону.

Тетя Аньмэй поднимается из-за стола и неторопливо идет на кухню готовить еду. Лучшая мамина подруга тетя Линь перебирается на бирюзовую кушетку и, сложив руки, наблюдает за мужчинами, все еще сидящими за столом. Тетя Иннин, запускает руку в свой мешочек с вязанием и вытаскивает оттуда начало крошечного голубого свитера. При каждой встрече мне кажется, что она еще больше усохла по сравнению с прошлым разом.

Дядюшки радости и удачи начинают обсуждать, какие бы акции им купить. Дядя Джек, младший брат тети Иннин, ратует за какую-то золотодобывающую компанию в Канаде.

– Это надежная защита от инфляции, – авторитетно заявляет он. По-английски он говорит лучше всех, почти без акцента. Кажется, хуже всех по-английски говорила моя мама, но зато она всегда утешалась тем, что ее китайский самый лучший. Она говорила на мандаринском диалекте с едва заметным шанхайским акцентом.

– Разве мы не собирались сегодня играть в маджонг? – громким шепотом обращаюсь я к туговатой на ухо тете Иннин.

– Потом, – отвечает она, – после полуночи.

– Дамы, вы на собрании Клуба или где? – спрашивает дядя Джордж.

После того как все единодушно голосуют за покупку акций канадской золотодобывающей компании, я отправляюсь на кухню, чтобы спросить у тети Аньмэй, почему Клуб радости и удачи начал вкладывать деньги в акции.

– Раньше мы играть маджонг, победитель забирай всё. Но выигрывать всегда один и тот же, и проигрывать один и тот же, – отвечает она. Она начиняет вонтоны[2 - Китайские пельмени.]: подцепляет палочкой кусочек приправленного имбирем мяса, выкладывает его на тончайший кусочек теста и одним плавным движением пальцев скрепляет края – получается крошечное подобие медицинского колпака. – У тебя нет удача, если кто-то есть ловкость. Потому мы давно решить делать вклад акции. Для этот уметь не надо. Даже твой мать был согласен.

Тетя Аньмэй подсчитывает вонтоны на стоящем перед ней подносе. Она уже сделала пять рядов по восемь штук в каждом.

– Сорок вонтоны, восемь человек, по десять каждый, еще пять ряды, – говорит она сама себе и продолжает свое дело. – Мы соображать. Очень умный. Теперь все мы выигрывать и проигрывать одинаковый. А удача получить с биржа. А маджонг мы теперь играть на удовольствий, чуть-чуть доллар, победитель бери всё. Кто проиграл забирай, что остать от ужин! Так что каждый получать какой-то радость. Умеем соображать, а?

Я продолжаю наблюдать за тем, как тетя Аньмэй делает вонтоны. С такими быстрыми и умелыми пальцами не надо думать о том, что делаешь. Наверное, поэтому мама всегда возмущалась что тетя Аньмэй никогда не думает о том, что делает.

«Она неглупа, – сказала мама после одного случая, – но у нее нет хребта. На прошлой неделе мне в голову пришла отличная мысль. Я сказала ей: „Давай сходим в консульство и попросим документы для твоего брата“. И она готова была бросить все свои дела и немедленно туда бежать. Но потом поговорила с кем-то. Кто знает – с кем? И этот человек сказал ей, что она может навлечь неприятности на своего брата в Китае. Этот человек сказал, что ФБР внесет ее в список и потом она до конца своих дней не оберется хлопот. Этот человек сказал: „Ты попросишь ссуду под дом, а они скажут: никакой ссуды, потому что ваш брат коммунист“. Я ей сказала: „Да ведь у тебя-то уже есть дом!“ Но она все равно продолжала чего-то бояться. Тетя Аньмэй склоняется то в одну, то в другую сторону, – добавила мама, – и сама не знает почему».

Я смотрю на тетю Аньмэй и вижу приземистую ссутуленную женщину семидесяти с лишним лет с грузным телом и тонкими бесформенными ногами. У нее по-старушечьи мягкие и плоские кончики пальцев. Я раздумываю над тем,

что же такое особенное она исхитрялась делать, чтобы всю жизнь вызывать нескончаемый поток критики с маминой стороны. И опять мне кажется, что мама всегда была недовольна своими друзьями, мной и даже моим отцом. Все время чего-то не хватало. Все время требовалось что-то улучшить. Все время что-то было не сбалансировано. У каждого из нас какой-то элемент был в избытке, а другого недоставало.

Элементы – это из маминых представлений об органической химии. Человек сделан из пяти элементов, говорила она.

Слишком много огня – и у тебя плохой характер. Это как у папы, которого мама всегда ругала за курение, а он кричал, чтобы она помалкивала. Это сейчас он чувствует себя виноватым за то, что не позволял ей выговориться.

Недостает дерева – и ты слишком быстро склоняешься к чужому мнению и не можешь настоять на своем. Это как наша тетя Аньмэй.

Слишком много воды – и ты плывешь то в одну, то в другую сторону. Это как я: начала делать диплом по биологии, потом по искусству, но, не закончив ни того ни другого, бросила всё и устроилась на работу в небольшое агентство секретаршей, а потом занялась составлением рекламных проспектов.

Обычно я пропускала мимо ушей мамины замечания и не принимала всерьез ее китайских суеверий и примет, которые у нее имелись на все случаи жизни. Когда мне было уже за двадцать, и я посещала курс по введению в психологию, я попыталась объяснить ей, что не стоит слишком сильно критиковать детей – это не лучший способ воспитания.

«В педагогике есть такой подход, – сказала я, – согласно которому родителям рекомендуется не ругать детей, а подбадривать. Понимаешь, люди стараются поступать так, как от них ждут. А когда ты делаешь замечание за замечанием, это означает, что ты ничего хорошего от человека не ждешь». – «В этом и проблем, – ответила мама. – Ты не стараться. Лень встать. Лень делать то, что от тебя ждут».

– Всем за стол! – радостно возвещает тетя Аньмэй, внося в комнату дымящуюся кастрюлю с вонтонами, которые она только что приготовила. На столе, сервированном а-ля фуршет, как на куэлиньских вечеринках, куча еды. Папа

зарывается в гору чоу мейн[3 - Китайское овощное блюдо.], высящуюся на огромной алюминиевой сковороде, рядом с которой лежат маленькие пластиковые пакетики с соевым соусом. Тетя Аньмэй, должно быть, купила все это на Климент-стрит. Суп с вонтонами, на поверхности которого плавают побеги кориандра, очень аппетитно пахнет. Я начинаю с большого блюда часвей, сладкой свинины, нарезанной кусочками размером с монетку и обжаренной на углях, потом перехожу к роллам, которые всегда называла «пальчиками», – они из тонкого хрустящего теста с разнообразными начинками: свинина, говядина, креветки и что-то непонятное, что мама относила к разряду «питательных вещей».

Едят здесь не слишком-то изысканно. Все, словно умирая от голода, набрасываются на свинину, норовя подцепить куски побольше, и один за другим отправляют их в рот. Совсем не как дамы из Куэлиня: те, по моим представлениям, ели с необыкновенным изяществом.

Покончив с едой, мужчины без долгих церемоний встают из-за стола и уходят. Женщины, будто стараясь от них не отстать, быстренько доклевывают последние лакомые кусочки, относят тарелки и чашки на кухню и сваливают всё в раковину. Потом по очереди моют руки, ожесточенно оттирая с них жир. Кто положил начало этому ритуалу? Я тоже ставлю свою тарелку в раковину и мою руки. Тетушки разговаривают о поездке Чжунов в Китай, а потом мы все идем в заднюю комнату. По дороге проходим через бывшую спальню четырех сыновей Су. Двухъярусные кровати с истертыми, щербатыми лесенками все еще здесь. Дядюшки радости и удачи уже сидят за карточным столом. Дядя Джордж быстро тасует карты – так, словно научился этому в казино. Папа с зажатой в губах сигаретой протягивает кому-то свою пачку «Пэлл-Мэлл».

Мы входим в заднюю комнату, где когда-то спали три девочки Су. В детстве мы с ними были подружками. Сейчас они выросли и повыходили замуж, а я опять пришла поиграть в их комнату. За исключением запаха камфары, здесь все такое же – кажется, будто вот-вот войдут Роуз, Руфь и Дженис с накрученными на банки из-под апельсинового сока волосами и плюхнутся на свои абсолютно одинаковые узкие кровати. Белые ворсистые покрывала на постелях истерты до полупрозрачного состояния. У нас с Роуз была привычка выдергивать из них узловатые ниточки, обсуждая свои проблемы с мальчишками. Ничего с тех пор не изменилось, только сейчас посреди комнаты стоит низкий стол для игры в маджонг, выкрашенный под красное дерево. Стол освещен напольной лампой, длинной черной трубкой с тремя продолговатыми лампочками, похожими на

широкие листья каучуконоса.

Никто не говорит мне: «Садись сюда, здесь было место твоей мамы». Но я угадываю, где оно, еще до того, как все рассаживаются. Какая-то пустота ощущается в ближайшем к двери кресле. И дело тут, пожалуй, даже не в кресле. Просто это ее место за столом. Безо всяких подсказок я знаю, что мама сидела на восточной стороне стола.

«Все начинается на востоке, – сказала мне мама однажды, – с восточной стороны встает солнце и приходит ветер».

Тетя Аньмэй, сидящая слева от меня, высыпает костяные фишки на зеленое сукно и говорит мне:

– Теперь надо перемешать фишки.

Мы круговыми движениями двигаем их по столу: получается нечто вроде водоворота. Когда костяшки сталкиваются друг с другом, слышится сухой шорох.

– Ты тоже выигрывать, как твоя мама? – через стол обращается ко мне тетя Линь. На лице у нее нет ни тени улыбки.

– Я только в колледже играла немного с друзьями евреями.

– Аxx! Еврейский маджонг, – произносит она с отвращением. – Это совсем не то.

Мама тоже всегда так говорила, хотя никогда не могла объяснить толком почему.

– Может быть, сегодня мне не стоит играть? Я просто посмотрю, – предлагаю я.

Тетя Линь сердито, как несмышленышу, растолковывает мне:

– А как играть втроем? Это как стол три ножки: нет баланс. Когда умирать муж тетя Иннин, она просить свой брат делать компанию. Твой отец просить тебя. Так что это решено.

«Какая разница между китайским и еврейским маджонгом?» – спросила я как-то у мамы. Понять по ее ответу, заключаются ли различия в самой игре или просто в ее отношении к китайцам и евреям, было невозможно. «Совершенно разный стиль игра, – сказала она наставительно; по-английски она всегда говорила таким тоном. – Еврейский маджонг, они смотреть только своя фишка, играть только свои глаза».

Потом мама перешла на китайский: «Играя в китайский маджонг, ты должна шевелить мозгами и всё рассчитывать. Следить за тем, что выбрасывают остальные, и хорошенько это запоминать. А если все играют плохо, игра становится похожа на еврейский маджонг. Зачем только играют? Никакой стратегии. Сидишь и смотришь, как люди делают ошибку за ошибкой».

После такого рода разъяснений я понимала, что мы с мамой говорим на разных языках. Так оно и было в буквальном смысле. Я обращалась к ней по-английски, она отвечала по-китайски.

– А в чем разница между китайским и еврейским маджонгом? – спрашиваю я тетю Линь.

– Аййа-йя! – насмешливо восклицает она. – Твой мама ничему тебя не научил?

Тетя Иннин похлопывает меня по руке:

– Ты сообразительный девочка. Ты смотришь, как мы, делать тот же самый. Помогать фишка на фишка строить четыре стена.

Я повторяю все, что делает тетя Иннин, но слежу главным образом за тетей Линь. Она играет настолько быстро, что успевает сделать всё раньше всех, и нам остается только смотреть на ее руки. Тетя Иннин бросает кости, и мне говорят, что тетя Линь стала восточным ветром. Мне выпало быть северным ветром, мой ход – последний. Тетя Иннин – южный ветер, тетя Аньмэй – западный. Потом мы набираем фишки: бросаем кости, отсчитываем, двигаясь по стене в обратном направлении, с какого места их брать. Я сортирую свои: ряд бамбуков, ряд кружков, раскладываю парами фишки с цветными драконами, откладываю в сторону непарные фишки, которые ни к чему не подходят.

– Твой мама был самый лучший, как профи, – говорит тетя Аньмэй, неторопливо сортируя свои фишки и внимательно рассматривая каждую.

Наконец мы приступаем к игре: смотрим, что у нас на руках, на своем ходе выкладываем одни фишки, берем другие. Тетушки радости и удачи начинают понемногу болтать, практически не слушая друг друга. Они говорят на своем особом языке, смеси ломаного английского с каким-нибудь из китайских диалектов. Тетя Иннин рассказывает, как где-то в городе купила пряжу за полцены. Тетя Аньмэй хвастается, что связала какой-то необыкновенный свитер для новорожденной дочери Руфи.

– Она думать, он из магазин, – гордо заявляет она.

Тетя Линь рассказывает, как ее разъярил один продавец, отказавшийся принять назад юбку со сломанной молнией.

– Я была чисылэ, – говорит она, все еще кипятясь, – взбешена до смерти.

– Однако, Линьдо, ты все еще с нами. Ты не умер, – поддразнивает ее тетя Иннин и сама смеется, а тетя Линь между тем говорит: «Пон!» и «Маджонг!» – и выбрасывает свои фишки, смеясь, в свою очередь, над тетей Иннин и подсчитывая очки. Мы снова перемешиваем фишки. Я начинаю скучать, меня клонит в сон.

– О, что я вам рассказать, – громко произносит тетя Иннин.

Все вздрагивают. Тетя Иннин – загадочная женщина, всегда погруженная в собственные мысли, немного не от мира сего. Мама часто говорила: «Тетя Иннин не уметь слушать. Она уметь слышать».

– Полиция арестовать сын миссис Эмерсон прошлый выходной, – говорит тетя Иннин таким торжественным тоном, будто гордится, что сумела первой сообщить столь важную новость. – Миссис Чан сказать мне в церковь. Его машина полный телевизоры.

Тетя Линь быстро произносит:

– Аййа-йя, миссис Эмерсон хорошая дама, – имея в виду, что миссис Эмерсон не заслуживает такого позора.

Но тут я вижу, что это еще и камушек в огород тети Аньмэй, чей младший сын тоже был арестован два года назад за торговлю крадеными автомобильными магнитофонами. Тетя Аньмэй тщательно протирает свою фишку, перед тем как ее сбросить. Она выглядит уязвленной.

– Каждый в Китае теперь есть телевизор, – говорит тетя Линь, меняя тему разговора. – У весь наш родня там есть много телевизор – не просто черно-белый, но цветной и дистанционный управление! У них есть всё. Когда мы спросить, что им купить, они сказать ничего, достаточно, что вы приехать в гости. Но мы все равно купить им всякое, видеоприставки и плееры «Сони» для детей. Они сказать, нет, не надо этот, но я думать, им нравилось.

Бедная тетя Аньмэй трет свою фишку еще энергичнее. Я вспоминаю, как мама рассказывала мне о поездке Су в Китай три года назад. Тетя Аньмэй накопила две тысячи долларов, чтобы истратить всё на семью брата. Она показывала моей маме содержимое своих тяжеленных сумок. Одна была битком набита всякими сладостями: шоколадными батончиками, драже, засахаренными орешками, быстрорастворимым какао и маленькими упаковками фруктового чая. Мама говорила, что еще была целая сумка с самой что ни на есть несуразной одеждой: яркие купальники в калифорнийском стиле, бейсболки, полотняные штаны с эластичным корсажем, лётные куртки, свитера с эмблемой Стэнфорда, спортивные носки – все новое.

Мама сказала ей: «Кому нужны эти шмотки? Все хотят только денег». Но тетя Аньмэй ответила, что ее брат очень беден, а они по сравнению с ним очень богаты. Так что она проигнорировала мамин совет и взяла свои неподъемные сумки и две тысячи долларов. Когда их туристская группа наконец прибыла в Ханьчжоу, все родственники из Нинбо их уже там встречали. Приехал не только младший брат тети Аньмэй, но и сводные братья и сестры его жены, какая-то дальняя кузина, муж этой кузины и даже этого мужа дядя. Каждый привез свою свекровь и всех детей и даже своих деревенских друзей, которые не могли похвастаться тем, что у них есть заокеанские родственники.

Мама рассказывала: «Перед отъездом в Китай тетя Аньмэй плакала; она думала, что, по коммунистическим меркам, просто озолотит и осчастливит своего брата. Но вернувшись домой, она плакала уже по другой причине: каждый из

родственников чего-то требовал, – и жаловалась мне, что изо всей семьи только она одна уехала из Ханьчжоу с пустыми руками».

Мамины опасения подтвердились. Свитера и прочие шмотки никому не были нужны. Сладости разлетелись в считанные секунды. А когда чемоданы опустели, родственники спросили, что еще привезли Су.

Тетю Аньмэй и дядю Джорджа вынудили раскошелиться не только на телевизоры и холодильники, стоимость которых составила как раз две тысячи долларов, но и заплатить за ночевку двадцати шести человек в отеле «Над озером», за три банкетных стола в ресторане, накрытых с расчетом на богатых иностранцев, купить по три отдельных подарка каждому родственнику, и, наконец, у них заняли пять тысяч юаней для некоего дяди кузины, которому очень хотелось купить мотоцикл и который потом испарился вместе с деньгами. Когда на следующий день поезд увозил Су из Ханьчжоу, они обнаружили, что по доброй воле избавились от суммы примерно в девять тысяч долларов. Уже много месяцев спустя, воодушевленная рождественской службой в Первой китайской баптистской церкви, тетя Аньмэй сделала попытку возместить себе хотя бы моральный урон, заявив, что Богу более угоден дающий, чем получающий, и моя мама заверила свою старинную подругу в том, что та совершила благодеяний по меньшей мере на несколько жизней вперед.

Слушая теперь, как тетя Линь расхваливает своих родственников в Китае, я понимаю: она словно бы не замечает того, что наступает тете Аньмэй на больную мозоль. Интересно, это она сознательно или же мама никому, кроме меня, не рассказывала историю о постыдной жадности родственничков тети Аньмэй?

– Ты учишься, Цзиньмэй? – спрашивает тетя Линь.

– Ее звать Джун. Их всех звать по-американский, – говорит тетя Иннин.

– Так тоже можно, – говорю я.

Я в самом деле не против. Теперь среди родившихся в Америке китайцев входит в моду называть себя китайскими именами.

– Только я уже давно не учусь, – продолжаю я. – Уже больше десяти лет.

Брови тети Линь выгибаются дугой:

– Наверное, я думать на чей-то еще дочь, – произносит она, но я ни секунды не сомневаюсь, что она говорит неправду. Я догадываюсь, что мама, вероятно, говорила ей, будто я собираюсь доучиться и получить диплом: у нас с ней действительно каких-нибудь месяцев шесть назад состоялся очередной разговор о том, что я – не одолевшая колледжа неудачница, «недоучница», и что пора бы мне вернуться в университет.

Я тогда в очередной раз сказала маме то, что ей хотелось услышать: «Ты права. Я об этом подумаю».

Я всегда полагала, что у нас с мамой был на этот счет некий негласный договор: она вовсе не считает меня неудачницей, а я честно обещаю ей впредь прислушиваться к ее мнению. Но то, что сказала тетя Линь, лишний раз напоминает мне: между мной и мамой никогда не было настоящего взаимопонимания. Мы переводили сказанное друг другом каждая на свой язык, и, кажется, я слышала меньше того, что говорила мама, а она, наоборот, больше, чем сказала я. Наверняка после того разговора она сообщила тете Линь, что я возвращаюсь в колледж и собираюсь защищать диплом.

Тетя Линь с мамой были лучшими подругами и одновременно тайными врагами, они всю жизнь только и делали, что сравнивали своих детей. Я была на месяц старше Уэверли Чжун – удостоенной многочисленных наград дочери тети Линь. С самых пеленок форма наших пупков и очертания мочек подвергались тщательнейшему сравнению. Наши матери обсуждали, у чьей дочери гуще и чернее волосы, у кого скорее заживают болячки на коленках, кто снашивает больше пар обуви в год. Потом появились другие темы: какие поразительные успехи в шахматах делает Уэверли, как много наград она завоевала в прошлом месяце, сколько газет напечатало ее имя, в скольких городах она побывала.

Я знаю, мама страдала, слушая рассказы тети Линь про Уэверли, – ей ведь нечего было этому противопоставить. Поначалу она пыталась развить во мне какие-нибудь скрытые таланты. Взялась помогать по хозяйству ушедшему на пенсию старому учителю музыки, который за это учил меня играть на пианино и разрешал пользоваться его инструментом для подготовки к урокам. Когда же я не состоялась ни как концертирующий пианист, ни даже как аккомпаниатор детского церковного хора, мама объяснила это тем, что я немного задерживаюсь

в развитии, как Эйнштейн, которого все считали отсталым, пока он не изобрел бомбу.

Эту партию выигрывает тетя Иннин. Мы подсчитываем очки и начинаем игру снова.

– Вы знали, что Лена переехать на Вудсайд? – спрашивает тетя Иннин с нескрываемой гордостью, глядя на свои фишки и ни к кому конкретно не обращаясь. И, быстро согнав с лица улыбку, добавляет с деланной скромностью: – Конечно, оно не самый лучший дом на тот район, не за миллион доллар, совсем нет. Но этот вложений хороший. Лучше, чем квартира снимать. Лучше, чем под чей каблук, кто вас стирать в пыль.

Из этого я делаю вывод, что Лена, дочь тети Иннин, рассказала ей о том, как меня выселили из квартиры на Русском холме. Мы всё еще дружим, но с годами стали очень осмотрительны и стараемся не говорить друг другу ничего лишнего. И все равно, сколь бы мало ни было сказано, наши слова, как в игре в испорченный телефон, передаются по кругу и часто возвращаются к нам в искаженном виде.

– Уже поздно, – говорю я, когда мы заканчиваем кон, и начинаю подниматься, но тетя Линь заталкивает меня обратно в кресло:

– Сиди, сиди. Мы чуть-чуть говорить, надо узнавать тебя по-новый, – говорит она. – Много время проходить.

Я знаю, эти возражения – лишь вежливый жест со стороны тетушек радости и удачи, а на самом деле им все равно, уйду я или останусь.

– Нет-нет, мне правда уже пора, спасибо, спасибо вам, – произношу я, довольная тем, что вспомнила, каких слов требуют правила этой игры.

– Нет, ты должна оставать! У нас есть что-то важный сказать тебе про твой мама, – выпаливает тетя Иннин, по своему обыкновению громко. Остальные, похоже, немного растерялись, будто они вовсе не так планировали выложить мне какие-то плохие известия.

Я снова сажусь. Тетя Аньмэй быстро выходит из комнаты и, возвратившись с чашкой арахиса, плотно притворяет за собой дверь. Все сидят тихо, словно никто не знает, с чего начать.

Первой нарушает молчание тетя Иннин.

– Я думаю, твой мама умирать с важный мысль в голова, – начинает она на ломаном английском. И продолжает по-китайски, спокойно и мягко: – Твоя мама была очень сильная женщина и хорошая мать. Она любила тебя больше собственной жизни. И поэтому тебе нетрудно будет понять, что такая мать, как она, не могла забыть своих старших дочерей. Она верила, что они живы, и до самой смерти хотела их разыскать.

Дети в Куэлине, думаю я. Я родилась уже потом. Дети в перевязи у нее на плечах. Ее другие дочери. И тут я словно попадаю в Куэлинь под бомбежку и явственно вижу этих детей. Они лежат на обочине дороги, размахивая красными обслюнявленными ручонками, и пронзительно кричат, требуя, чтобы их оттуда забрали. Кто-то их подобрал. Они спасены. И теперь моя мама навсегда покидает меня и возвращается в Китай к этим детям. Я едва слышу голос тети Иннин.

– Она много лет разыскивала их, рассылая письма в разные города, – говорит тетя Иннин. – И в прошлом году получила адрес. Она собиралась вот-вот рассказать об этом твоему отцу. Аййа-йя, какое горе. Прождать целую жизнь.

Тетя Аньмэй прерывает ее взволнованным голосом:

– Поэтому мы твои тетушки писать на этот адрес, – говорит она. – Мы сообщать, что один сторона, твой мать, хотеть встречать другой сторона. И этот сторона нам ответил. Они твои сестры, Цзиньмэй.

Мои сестры, говорю я себе, впервые в жизни произнося эти два слова вместе.

Тетя Аньмэй держит в руках листочек тонкой папиросной бумаги. Я вижу написанные синей перьевой ручкой китайские иероглифы, выстроившиеся идеально ровными столбцами. Одно слово расплылось. Слеза? Дрожащими руками беру письмо, с изумлением думая, какими способными должны быть мои сестры, чтобы уметь читать и писать по-китайски.

Тетушки улыбаются мне, словно я только что была смертельно больна и вдруг чудесным образом исцелилась. Тетя Иннин вручает мне другой конверт. Внутри лежит чек на имя Джун У на сумму в тысячу двести долларов. Я не могу поверить своим глазам.

– Мои сестры посылают мне деньги? – спрашиваю я.

– Нет-нет, – говорит тетя Линь своим язвительным голосом. – Мы каждый год копить свой маджонг выигрыш на большой банкет в дорогой ресторан. Больше всего выигрывать твой мать, так что эти деньги в основном его. Мы добавить всего ничего, так что ты можешь ехать Гонконг, сесть поезд Шанхай и увидеть свои сестры. А мы и так уже слишком богатый, слишком толстый. – В доказательство она похлопывает себя по животу.

– Увидеть своих сестер, – машинально повторяю я. Пытаюсь представить себе, что увижу, и эта перспектива меня ужасает. Меня приводит в замешательство еще и другое: тетушки, конечно же, всё придумали про ежегодный банкет, чтобы замаскировать собственное великодушие. И я плачу и смеюсь сквозь слезы, пораженная их преданностью моей маме.

– Ты должна увидеть своих сестер и рассказать им о смерти твоей мамы, – говорит тетя Иннин. – Но главное, ты должна рассказать им о ее жизни. Они должны узнать мать, которой никогда не знали.

– Увидеть сестер, рассказать им о моей маме, – повторяю я кивая. – Что же я им скажу? Что я могу рассказать им о моей маме? Я ничего не знаю. Она была моей мамой.

Тетушки смотрят на меня так, словно я прямо у них на глазах сошла с ума.

– Не знать свой собственный мать?! – с недоумением восклицает тетя Аньмэй. – Как ты можешь такой говорить? Твой мать в твоих костях!

– Скажи им про свои родители. Как они достигать успех, – предлагает тетя Линь.

– Скажи им, что она рассказать тебе, чему она тебя учить. Скажи, что ты знаешь об ее уме, который стать твой, – говорит тетя Иннин. – Твой мать – мудрый

женщина.

Я выслушиваю множество других вариаций на тему «Скажи им, скажи им» – каждая тетушка, волнуясь, спешит прибавить что-нибудь свое.

– Какая она добрый.

– Какая умный.

– Как много делать для семья.

– Про ее надежд и что был для нее самый важный.

– Как вкусно она готовить.

– Подумать только, дочь не знать собственный мать!

И тут до меня доходит. Они испуганы. Они видят во мне своих собственных дочерей, не очень-то интересующихся их прошлым и ничего не знающих о надеждах, с которыми их матери ехали в Америку. Дочерей, которым не хватает терпения выслушивать их, когда они говорят по-китайски. Дочерей, считающих своих матерей недалекими, оттого что те изъясняются на ломаном английском. Дочерей, чьи куцые американские мозги не способны понять, что слова «радость» и «удача», если их поставить рядом, превращаются в одно слово. Дочерей, которые вынашивают детей, понятия не имея о переходящей из поколения в поколение надежде.

– Я всё им расскажу, – просто говорю я, и тетушки смотрят на меня с сомнением на лицах.

– Я вспомню о ней всё-всё-всё и расскажу им, – произношу я более уверенно.

И постепенно, одна за другой, они начинают улыбаться и похлопывать меня по руке. Они все еще встревожены, как будто равновесие восстановлено не окончательно. Но в их глазах уже появилась надежда: они готовы поверить, что я так и сделаю. О чем еще они могут меня попросить? Что еще я могу им пообещать?

И они снова принимаются за свой вареный арахис и продолжают рассказывать друг другу разные истории. Они снова молоденькие девушки, мечтающие о хороших временах, которые уже прошли, и хороших временах, которые еще придут. Брат из Нинбо, который заставит свою сестру расплакаться от радости, вернув ей девять тысяч долларов с процентами. Младший сын, чье дело по ремонту магнитофонов и телевизоров приносит такой доход, что излишки он посылает в Китай. Дочь, чьи дети могут плавать как рыбы в роскошном бассейне на Вудсайде. Такие замечательные истории. Такие чудесные. Они счастливицы.

А на мамином месте за столом для игры в маджонг, на востоке, где все начинается, сижу я.

Аньмэй Су

Шрам

Когда я была еще маленькой и жила в Китае, моя бабушка в разговорах со мной называла мою маму призраком. Это вовсе не означало, что мамы не было в живых. В то время призраком называли всё, о чем было запрещено говорить. Из этого я заключала, что Бобо хочет, чтобы я забыла свою мать. Так оно и получилось: я ничего о ней не помнила. Та жизнь, которую я помнила, начиналась с большого дома с холодными коридорами и крутыми лестницами. Это был дом моих дяди и тети в Нинбо, я жила там с Бобо и моим младшим братишкой.

Я часто слышала рассказы о привидениях, которые похищают детей, в особенности своенравных и непослушных маленьких девочек. Я много раз слышала, как Бобо произносила нарочито громким голосом, что мы с братом выпали из внутренностей глупой гусыни, что мы просто два никому ненужных яйца, которые не годятся даже на то, чтобы вбить их в рисовую кашу. Она говорила это для того, чтобы нас не похитили призраки. Как видишь, для Бобо мы все же представляли некоторую ценность.

Бобо пугала меня всю мою жизнь. Больше всего она меня напугала, когда заболела. Это случилось в тысяча девятьсот двадцать третьем году, когда мне

было девять лет. Бобо вся отекла и напоминала перезрелую тыкву, тело ее стало мягким и начало гнить, издавая тяжелый запах. Она вызывала меня к себе в комнату, где стояла жуткая вонь, и заводила свои бесконечные разговоры. «Аньмэй, – говорила она, называя меня тем именем, под которым меня знали в школе, – слушай внимательно». И начинала рассказывать истории, которых я не понимала.

Одна из них была о жадной девушке, живот которой становился день ото дня все больше. Девушка отравилась, чтобы не признаваться, чьего ребенка она носит. Когда монах вскрыл ее, внутри оказалась большая белая тыква. «Если человек жадный, он всегда испытывает голод из-за того, что у него внутри», – заключила Бобо.

В другой раз Бобо рассказала мне про девочку, которая не слушалась старших. Однажды эта непослушная девчонка так сильно трясла головой, отказываясь выполнить очень простую просьбу своей тети, что у нее из уха выпал маленький белый шарик, и через образовавшееся отверстие вытекли все ее мозги, прозрачные, как куриный бульон. «Когда только твои собственные мысли бродят у тебя в голове, ничему другому там не остается места», – внушала мне Бобо.

Незадолго до того, как Бобо ослабела до такой степени, что не могла даже говорить, она прижала меня к себе и заговорила о моей матери. «Никогда не произноси ее имя, – предупредила она. – Произносить ее имя значит плевать на могилу твоего отца».

Единственный известный мне отец был большой картиной, висевшей в парадном зале. Это был крупный неулыбчивый мужчина, угрюмость которого явно проистекала от постоянного пребывания на стене. Его взгляд неотступно преследовал меня по всему дому. Даже из своей комнаты, расположенной в конце этого зала, я видела наблюдающие за мной глаза отца. Бобо говорила, что он присматривает за тем, чтобы я не вздумала вести себя неуважительно. Поэтому в те дни, когда я в школе швырялась камнями в других детей или теряла по собственной небрежности учебник, я старалась с невинным видом побыстрее проскользнуть мимо отца и спрятаться в укромном уголке своей комнаты, куда он не мог заглянуть.

Наш дом казался мне злосчастным, но мой братишка, по-видимому, так не думал. Он колесил на своем велосипеде по внутреннему двору, разгоняя кур и детей, и смеялся над теми, кто громче всех визжал. А когда дядюшка и тетушка

уходили в гости, он забирался на парадные пуховые диваны и прыгал на них, нарушая благочинную тишину, царившую в доме.

Но однажды даже беззаботности моего братца был положен предел. Как-то жарким летним днем – Бобо тогда была уже очень больна – мы стояли за воротами, наблюдая за деревенской похоронной процессией, шествовавшей мимо нашего дома. Как раз в тот момент, когда она поравнялась с нашими воротами, портрет покойного в тяжелой раме сорвался со своей подставки и упал на пыльную землю. Какая-то старушка взвизгнула и потеряла сознание. Мой братец засмеялся, за что тут же получил оплеуху от тетушки.

Моя тетя, которая была очень строга с детьми, сказала, что он такой же, как наша мать: никакого чоу – уважения к предкам и семье. Язычок у нашей тетушки был как ненасытные ножницы, режущие шелк. Поэтому, когда мой брат взглянул на нее с кислой миной, тетя добавила, что наша легкомысленная мать сбежала на север в такой спешке, что не забрала из семьи нашего отца ни мебели, полученной ею в приданое, когда она выходила замуж, ни десяти пар серебряных палочек для еды; она удрала, не воздав должного уважения ни могиле нашего отца, ни могилам предков. Тогда мой брат сказал тетушке, что это она прогнала нашу мать, а тетушка разоралась и наговорила нам всякого: что наша мать вышла замуж еще раз, за человека по имени У Цинь, у которого уже была одна старшая жена, а еще две наложницы и куча гадких детей.

А когда мой братишка заявил, что тетушка просто-напросто безмозглая курица, она прижала его к воротам и плюнула ему в лицо.

– Не смей повышать на меня голос, ничтожество! – сказала тетушка. – Ты сын матери, которая настолько лишена почтения к предкам, что стала ни, предательницей. Она так унизила себя, что даже дьявол должен опускать глаза вниз, чтобы увидеть ее.

Именно с того момента я начала понимать поучительные истории, которые мне рассказывала Бобо, и извлекать из них уроки, которые я должна была учить за свою маму. «Потерять свое лицо, Аньмэй, – часто говаривала Бобо, – это то же самое, что уронить ожерелье в колодец. Единственный способ получить его обратно – самой нырнуть за ним».

И тогда я смогла представить себе свою мать, легкомысленную женщину. Она заливалась хохотом и в знак протеста трясла головой, она раз за разом опускала свои палочки в чашку с фруктами, чтобы выловить еще один сладкий кусочек, довольная, что освободилась от Бобо, от своего угрюмого мужа на стене и от двух непослушных детей. Я чувствовала себя несчастной оттого, что моей матерью была такая женщина, и вдвойне несчастной – оттого, что она бросила нас. Вот о чем я думала, прячась в углу своей комнаты, где взгляд отца не мог настичь меня.

* * *

Я сидела на верхних ступеньках лестницы, когда она приехала. Я поняла, что это моя мама, хотя и не могла припомнить, чтобы когда-нибудь до этого видела ее. Она встала в дверном проеме так, что ее лицо сделалось темной тенью. Она была гораздо выше тети, ростом почти с дядю. Выглядела она немного странно, как дамы-миссионерши у нас в школе, смелые и самоуверенные, со своими слишком высокими каблуками, западной одеждой и короткими стрижками.

Тетя тут же отвернулась, не обратившись к ней по имени и не предложив ей чаю. Старая служанка тоже заспешила прочь с недовольным видом. Я старалась сидеть тихонько, но мое сердце отчаянно колотилось, словно кузнечик, старающийся выбраться из коробочки. Должно быть, и у моей мамы в груди было сердце, потому что она взглянула наверх. И когда она это сделала, я увидела, что на меня смотрит мое собственное лицо. Широко открытые глаза, которые видели слишком много.

В комнате Бобо, пока мама шла к кровати, тетушка пыталась протестовать:

– Слишком поздно, слишком поздно.

Но маму это не остановило.

– Не уходи, останься, – прошептала она Бобо. – Нюйер здесь. Твоя дочь вернулась.

Глаза Бобо были открыты, но она ничего не видела: ее мысли, разбежавшись в разные стороны, бродили где-то, ни в одном месте не останавливаясь надолго.

Будь сознание Бобо ясным, она бы подняла обе руки и вышвырнула маму из комнаты.

Впервые увидев свою маму, я не могла спустить глаз с нее, с этой красивой женщины с белой кожей и овальным лицом, не таким круглым, как у тетушки, и не таким острым, как у Бобо. Я заметила, что у нее была длинная и белая шея, точь-в-точь как у гусыни, той самой гусыни, которая снесла меня как яйцо. Словно привидение, она летала туда-сюда по комнате, прикладывая холодные примочки к распухшему лицу Бобо. Глядя подолгу в глаза Бобо, она издавала мягкие квохчущие звуки, выражавшие тревогу. Я наблюдала за ней с осторожностью, но ее голос, близкий и знакомый, как забытый сон, уже смутил меня.

Когда немного погодя я пошла к себе в комнату, она уже стояла там во весь свой рост. И поскольку я помнила, что Бобо запретила мне произносить ее имя, я, онемев, застыла на месте. Она взяла меня за руку и подвела к кушетке, а сама села рядом со мной так, словно мы делали это каждый день.

Мама начала расплетать мне косы и расчесывать волосы медленными, плавными движениями.

– Аньмэй, ты была хорошей дочерью? – спросила она с загадочной улыбкой.

Я посмотрела на нее, сделав недоуменное лицо, но внутренне содрогнулась. Я уже стала той девочкой, в животе у которой лежала бесцветная зимняя тыква.

– Аньмэй, ты знаешь, кто я, – сказала она с бранчливой ноткой в голосе.

В этот раз я не взглянула на нее из страха, что у меня разорвется голова и мозги вытекут через уши.

Она перестала меня расчесывать. И тут я почувствовала, как ее длинные и чуткие пальцы гладят кожу у меня под подбородком, ищут там что-то и натыкаются на гладкий шрам на шее. Когда она провела по нему рукой, я затихла. У меня возникло чувство, что мама будит воспоминания, гладя этот шрам. Она убрала руку с моей шеи и, обхватив свое собственное горло, начала плакать. Она плакала, тоненько подвывая, очень жалобно. И тогда я вспомнила давний сон, в котором слышала звук ее голоса.

* * *

Мне было четыре года, и мой подбородок едва доставал до обеденного стола, поверх которого я видела сердитое личико своего брата-младенца: он сидел на коленях у Бобо и обиженно плакал. Я слышала голоса, нахваливающие поданный к столу темный дымящийся суп, и вежливый шепот: «Чинг! Чинг! – Пожалуйста, ешьте!»

А потом разговоры смолкли. Мой дядя встал со своего места. Все повернулись к двери, в проеме которой появилась высокая женщина.

«Мамочка!» – закричала я, рванувшись со своего стула, но тетя тут же дала мне пощечину и толкнула назад, на мое место. Теперь уже все стояли и кричали, я слышала мамин плачущий голос: «Аньмэй! Аньмэй!» И поверх всего этого шума – пронзительный голос Бобо: «Это что тут за привидение? Это не почтенная вдова. Нет. Всего-навсего чья-то третья наложница. Если ты возьмешь с собой свою дочь, она станет такой же, как ты. Она потеряет лицо и никогда больше не сможет поднять головы».

Мама продолжала звать меня к себе. Я так ясно припомнила теперь ее голос: «Аньмэй! Аньмэй!» Я видела ее лицо через стол. Между нами стояла супница, медленно раскачиваясь туда-сюда на своей тяжелой подставке с подогревом. И когда раздался очередной крик, она опрокинулась, и темный суп кипящим потоком хлынул через весь стол и ошпарил мне горло. Я чувствовала себя так, словно на меня вылилась клокочущая злоба всех окружающих.

Это была настолько ужасная боль, что маленькому ребенку следовало бы забыть о ней. Но даже моя кожа все еще помнит ее. Я очень недолго плакала во весь голос, потому что вскоре почувствовала, как внутри и снаружи у меня все горит и лопается, и начала задыхаться.

Я не могла кричать, потому что у меня было перехвачено не только дыхание, но и голос. Я ничего не видела из-за слез, хлынувших, чтобы смыть эту боль. Но сквозь крики Бобо и тетушки я до самого последнего момента слышала зовущий мамин голос.

Позже, уже вечером, голос Бобо произнес: «Аньмэй, слушай внимательно. – У нее был такой же сердитый тон, каким она меня отчитывала за то, что я ношусь взад и вперед по коридору. – Аньмэй, мы приготовили тебе одежду и туфли на смерть. Всё из белого ситца». Я испуганно слушала дальше. «Аньмэй, – пробормотала она немного мягче. – Твоя смертная одежда очень простая. Никаких излишеств, потому что ты еще ребенок. Если ты умрешь, твоя жизнь получится очень короткой и ты останешься в долгу перед семьей. Твои похороны будут очень скромными, а траур по поводу твоей смерти – очень непродолжительным».

И потом Бобо сказала то, что было хуже, чем жгучая боль в горле: «Даже твоя мама израсходовала все свои слезы и уехала. Если ты не поправишься как можно скорее, она тебя забудет».

Бобо была очень находчива. Я заторопилась выкарабкаться с того света, чтобы отыскать свою маму.

Каждую ночь я плакала так, что у меня горели и глаза, и горло. Бобо сидела у моей кровати и лила мне на шею холодную воду из выскобленной половинки большого грейпфрута. Она лила и лила воду до тех пор, пока мое дыхание не выравнивалось, и я не засыпала. По утрам Бобо своими острыми ногтями, как щипчиками, сдирала с меня подсохшие струпья.

За два года шрам сгладился и побледнел, а образ мамы стерся из моей памяти. Так всегда бывает с ранами. Они сами начинают затягиваться, чтобы закрыть то, что болит. А когда рана зарастает, ты уже больше не видишь, что под ней, не видишь того, что вызывало боль.

* * *

Я преклонялась перед той матерью из своего сна. Но женщина, стоявшая перед кроватью Бобо, не была мамой из моих воспоминаний. Тем не менее я полюбила и эту маму. Не потому, что она пришла ко мне и умоляла простить ее. Она этого не сделала. Ей не нужно было объяснять мне, что, когда я умирала, Бобо выгнала ее из дому. Это я и так знала. Ей не нужно было объяснять мне, что, выйдя замуж за У Циня, она поменяла одно несчастье на другое. Я знала и это.

А полюбила я ее вот как. Я увидела в ней свою собственную преданную натуру. То, что было у меня под кожей. В моих костях.

Была поздняя ночь, когда я пришла в комнату Бобо. Тетя сказала, что Бобо умирает, и я должна отдать ей последний долг уважения. Я надела чистую одежду и встала у изножья кровати Бобо, между дядей и тетей. Я немного поплакала, не очень громко.

По другую сторону кровати я увидела свою маму. Тихую и печальную. Она готовила суп, опуская в кипящую жидкость травы и лекарства. А потом я увидела, как она закатала рукав и взяла острый нож. Она поднесла его к своей руке, к самой мякоти. Я попыталась закрыть глаза, но не смогла.

И моя мама отрезала кусочек мяса от своей руки. Слезы потекли по ее лицу, и кровь пролилась на пол.

Мама взяла кусочек своей плоти и положила его в суп. По старинному обычаю она готовила магическую еду, чтобы в самый последний раз постараться исцелить свою мать. Она открыла рот Бобо, челюсти которой уже были крепко стиснуты, чтобы удерживать дух внутри, и накормила ее этим супом, но той же ночью Бобо улетела вместе со своей болезнью.

Но хоть я и была маленькой, я смогла увидеть, что такое страдание плоти и чего это страдание стоит.

Так дочь чтит свою мать. Это и есть чоу – то, что сидит у тебя глубоко в костях. Страдание плоти суть ничто. Через боль нужно переступить, потому что иногда это единственный способ вспомнить то, что сидит у тебя в костях. Нужно снять с себя свою кожу и кожу своей матери, а перед тем – кожу ее матери. И так до тех пор, пока не останется ничего. Ни шрама, ни кожи, ни плоти.

Линьдо Чжун

Красная свеча

Однажды, чтобы не нарушить обещания, данного моими родителями, я принесла в жертву свою жизнь. Для тебя это ничего не значит, потому что для тебя ничего не значат обещания. Дочь может пообещать прийти на обед, но, если у нее болит голова, если она попала в пробку, если она хочет посмотреть по телевизору любимый фильм, она забывает о своем обещании.

В тот день, когда ты не пришла, я тоже посмотрела этот фильм. Американский солдат обещает девушке вернуться с войны и жениться на ней. Она плачет в три ручья от избытка чувств, а он тянет ее в постель со словами: «Обещаю! Обещаю! Милая, любимая, это не пустые обещания, каждое мое слово на вес золота». Но он не возвращается. Его золото не лучше твоего, в нем только четырнадцать каратов.

Для китайцев четырнадцать каратов – не настоящее золото. Взвесь мои браслеты. В них должно быть двадцать четыре карата: чистое золото снаружи и внутри.

Пытаться изменить тебя уже слишком поздно, но я говорю это потому, что беспокоюсь за твою дочь. Я боюсь, что однажды она скажет: «Бабушка, спасибо тебе за золотой браслет. Я никогда тебя не забуду», – а потом забудет не только свое обещание, но и то, что у нее вообще была бабушка.

* * *

В том фильме про войну американский солдат, вернувшись домой, падает на колени перед другой девушкой и просит ее выйти за него замуж. Она ужасно смущена, даже не знает, куда спрятать глаза, будто для нее это полная неожиданность. И вдруг! – она смотрит вниз, прямо на него, и уже знает: она любит его так сильно, что ей хочется плакать; наконец она произносит «да», и они соединяют свои судьбы навек.

У меня ничего похожего не было. Все произошло иначе: когда мне исполнилось всего два года, к моим родителям пришла сваха. Нет, мне никто ничего не рассказывал, все это сохранилось в моей памяти. Дело было летом: я помню жару и пыль, и звон цикад во дворе. Мы находились в саду, под деревьями. Где-то надо мной мои братья вместе со слугами рвали с веток груши. А я сидела у мамы на коленях. Ее руки были горячие и потные от жары. Я размахивала ладошками, пытаясь ухватить летавшую передо мной птичку-свистульку с

крылышками из тонкой разноцветной бумаги. А потом бумажная птичка улетела куда-то, и на ее месте очутились две женщины. Их я запомнила, потому что в голосе одной слышались шипящие звуки: шшррр, шшррр. Став постарше, я узнала, что это пекинский акцент, который режет слух жителям Тайюаня.

Обе они молча смотрели на меня. Лицо женщины с шипящим голосом было покрыто слоем растаявших от жары румян. У второй гостьи лицо было сухое, напоминавшее кору старого дерева. Она посмотрела на меня и перевела взгляд на раскрашенную женщину.

Конечно, теперь-то я знаю, что Древесная Кора была старая сваха из нашей деревни, а Нарумяненное Лицо – Хуан Тайтай, за сына которой меня впоследствии выдали замуж. Не верь никому, кто скажет, будто в Китае маленьких девочек ни в грош не ставили. Это смотря какая девочка. В моем случае сразу было видно, чего я стою. Я была как румяная булочка, сладкая и аппетитная.

Сваха расхваливала меня на все лады:

– Земляная лошадь и земляная овца – самое лучшее сочетание для брака.

Она похлопала меня по ладошке, но я оттолкнула ее руку. Хуан Тайтай проговорила своим шипящим голосом, что, кажется, у меня необычайно дурной пичи, плохой характер. Но сваха рассмеялась и сказала:

– Да что вы, вовсе нет. Это сильная лошадь, из нее со временем выйдет настоящий работяга, и, когда вы состаритесь, она будет исправно за вами ухаживать.

Но Хуан Тайтай смотрела на меня с мрачным недоверием, как будто могла разгадать мои будущие намерения. Я никогда не забуду ее взгляда. Широко раскрытыми глазами она внимательно рассматривала мое лицо и, рассмотрев, улыбнулась. Я увидела большой золотой зуб, ослепивший меня, как солнце, а потом все остальные зубы, оскаленные так, словно она собиралась проглотить всю меня разом.

Так меня обручили с сыном Хуан Тайтай, который, как я узнала потом, был настоящим младенцем, на год младше меня. Его звали Тянь Ю; тянь значит

«небо» – чтобы все знали, какой он важный, – а ю значит «остаток»: когда он родился, его отец был очень болен, и вся семья думала, что он умрет. В Тянь Ю должен был сохраниться дух его отца. Но отец выжил, и бабушка стала бояться, как бы духи не обратили свое внимание на мальчика и не забрали его вместо отца. Поэтому все носились с ним как с бесценным сокровищем, выполняли его малейшие прихоти и в результате страшно избаловали.

Но даже если бы я знала, какой плохой мне достанется муж, ни тогда, ни потом у меня не было выбора. Так уж в прежние времена было заведено в деревне. У нас глупые старомодные обычаи держались до последнего. В городах мужчины уже могли сами выбирать себе жен – конечно, с согласия родителей. В деревне это было исключено. У нас никто бы не сказал, что где-то, в каком-то городе что-то лучше, чем в нашей деревне: там могло быть только хуже. У нас рассказывали истории про сыновей, которые настолько поддавались влиянию плохих жен, что выгоняли своих старых плачущих родителей на улицу. Поэтому тайюаньские матери продолжали сами выбирать себе невесток – таких, которые будут правильно воспитывать сыновей, заботиться о стариках и исправно подметать семейные кладбища еще много лет после того, как старухи сойдут в свои могилы.

Поскольку я была обещана в жены сыну Хуанов, дома ко мне стали относиться так, будто я уже принадлежала кому-то другому. Когда чашка с рисом слишком часто приближалась к моему рту, мама могла сказать: «Посмотрите, как много ест дочь Хуан Тайтай».

Мама обращалась со мной так не оттого, что не любила меня. Стала бы она, сказав такое, прикусывать себе язык, если бы на самом деле считала меня отрезанным ломтем?

Я была очень послушным ребенком, но иногда и у меня бывало кислое выражение лица – например, потому что мне было жарко, или я устала, или заболевала. В таком случае мама могла сказать: «Какое отвратительное лицо. Хуаны откажутся от тебя, и вся наша семья будет опозорена». Тогда я начинала плакать, чтобы мое лицо стало еще отвратительнее. «Это не поможет, – говорила мама. – Мы заключили контракт. Его нельзя расторгнуть». И я плакала еще сильнее.

Пока мне не исполнилось восемь или девять лет, я не видела своего будущего мужа. Известный мне мир состоял из усадьбы моей семьи в деревне неподалеку

от Тайюаня. Наша семья жила в скромном двухэтажном доме, во дворе стоял еще один маленький домик, в котором было всего две смежные комнаты – в одной жил повар, в другой слуга, каждый со своей семьей. Наш дом стоял на пригорке. Мы дали этому холмику громкое название «Три Ступени к Небу», но на самом деле это были просто столетиями затвердевавшие слои ила, приносимого рекой Фэн. Река ограничивала наш участок с восточной стороны. По словам моего отца, она любила глотать маленьких детей. Он рассказывал, что однажды она проглотила весь Тайюань. Летом вода в реке становилась коричневой. Зимой она была сине-зеленой в самых узких и быстрых местах, а в широких замерзала и белела от мороза.

Ах, я помню один Новый год, когда вся наша семья спустилась на реку и поймала много-много рыбин – гигантских скользких тварей. Они спали на своих ледяных постелях в реке. Когда их выловили, они были такие свежие, что продолжали плясать на хвостах даже после того, как их выпотрошили и бросили на горячую сковороду.

В том году мне впервые показали моего будущего мужа. Он был не такой уж и маленький, но от грохота разорвавшихся поблизости шутих разинул рот и – у-у-у! – разревелся во весь голос.

Позже я видела его и на других деревенских праздниках. На празднике красного яйца, когда недавно родившимся младенцам дают настоящие имена, он сидел на коленях у своей старой бабушки – как он только ее не раздавил! – и отказывался есть то, что ему предлагали, воротя нос от сладкого печенья так, словно это была какая-то вонючая гадость.

Я не влюбилась в своего будущего мужа с первого взгляда, как это сейчас показывают по телевизору. Я относилась к этому мальчику скорее как к надоедливому двоюродному брату. Я училась быть вежливой с Хуанами, и особенно с Хуан Тайтай. При встречах с ней моя мама подталкивала меня в ее сторону и говорила: «Что надо сказать своей маме?» И я смущалась, не зная, какую маму она имеет в виду. Поэтому я поворачивалась к своей настоящей матери и говорила: «Прости меня, мам», а потом уже к Хуан Тайтай, протягивая ей маленький гостинец со словами: «Это для вас, мама». Помню, однажды это был мой любимый пирожок сюймэй. Мама сказала Хуан Тайтай, что я сделала этот пирожок специально для нее, хотя я всего-навсего потыкала пальцем его горячие края, когда повар выкладывал пирожки на блюдо.

Моя жизнь полностью изменилась, когда мне исполнилось двенадцать лет. В то лето на Тайюань обрушились проливные дожди. Река Фэн, протекавшая через нашу усадьбу, затопила низины. Она уничтожила все посевы пшеницы и смыла верхний слой почвы, сделав землю неплодородной на много лет вперед. Даже наш дом на пригорке стал непригодным для жилья. Когда мы смогли спуститься со второго этажа, мы обнаружили, что на первом – полы и мебель покрыты слоем липкой грязи. Двор был завален вырванными с корнями деревьями, обломками ограды и дохлыми курицами. Этот хаос означал разорение для моей семьи.

В то время вы не могли пойти в страховую компанию и сказать: «По такой-то и такой-то причине мне нанесен ущерб, платите миллион». Если вы не имели возможности самостоятельно справиться с испытанием, вам неоткуда было ждать помощи. Мой отец сказал, что у нас нет другого выбора, кроме как переехать всей семьей в Уси, к югу от Шанхая, где жил мамин брат, владевший небольшой мельницей. Отец объявил, что вся семья должна без промедления отправиться в путь. Кроме меня. Мне было двенадцать лет, достаточно для того, чтобы отделить меня от семьи и отправить к Хуанам.

Дороги были ужасно грязные и разъезженные, так что ни один грузовик не мог подъехать к дому. Родителям пришлось оставить громоздкую мебель и постельные принадлежности; все это было обещано Хуанам в качестве моего приданого. В этом отношении моя семья поступила весьма практично. Такого приданого будет достаточно, более чем достаточно, сказал мой отец. Но он не мог запретить маме отдать мне еще и чан, длинное ожерелье из красного нефрита. Надевая ожерелье мне на шею, мама казалась очень суровой, из чего я поняла, что ей очень грустно. «Будь покладистой в своей новой семье. Не позорь нас, – сказала она. – Как придешь, дай им понять всем своим видом, что ты счастлива. Тебе и вправду очень повезло».

* * *

Дом Хуанов тоже стоял у реки. Но если наш дом был затоплен, то их нисколько не пострадал. Так получилось потому, что их усадьба была расположена выше по реке. И тогда я впервые осознала, что Хуаны занимают более высокое положение, чем моя семья. Они смотрели на нас сверху вниз, и это объяснило мне, почему у Хуан Тайтай и Тянь Ю такие длинные носы.

Миновав ведущие к Хуанам каменные ворота с деревянной отделкой, я увидела большой двор с тремя или четырьмя рядами маленьких, низеньких строений. Некоторые из них предназначались для хранения провизии, другие – для слуг и их семей. За этими скромными строеньицами возвышалось главное здание усадьбы.

Я подходила ближе и, не отрываясь, смотрела на дом, в котором мне предстояло провести всю оставшуюся жизнь. Он принадлежал уже не первому поколению Хуанов, но не был ни по-настоящему старинным, ни сколько-нибудь примечательным; по нему было видно, как он рос вместе с семьей. В нем было четыре этажа – по этажу на каждое поколение: для прадедушек и прабабушек, для дедушек и бабушек, для родителей и для детей. Дом производил странное впечатление, потому что строился в несколько этапов. Основное строение было возведено наспех, и уже потом к нему пристраивали этажи и крылья и добавляли разные украшения во вкусе очередного главы семьи. Первый этаж был сооружен из речных булыжников, скрепленных глиной, смешанной с соломой. Второй и третий построены из гладких кирпичей и окружены открытой галереей, из-за которой весь дом стал похож на крепостную башню. Верхний этаж, облицованный серой плиткой, был увенчан красной черепичной крышей. Крышу веранды у парадного входа поддерживали две большие круглые колонны. Эти колонны, так же, как и деревянные оконные рамы, были выкрашены в красный цвет для придания дому помпезности. Кто-то, возможно Хуан Тайтай, водрузил на угловые окончания крыши величественные драконьи головы.

Внутри дом был на свой лад столь же претенциозен. Мне там нравилась только большая комната на первом этаже, в которой Хуаны обычно принимали гостей. Там стояли покрытые красным лаком резные столы и стулья, лежали изящные подушечки, украшенные вышитым в старинном стиле родовым именем, и было еще много других чудесных вещей, подчеркивавших богатство и древность рода. Весь остальной дом был невзрачным, неудобным и шумным из-за бесконечного нытья двадцати домочадцев. По мере увеличения семейства в доме становилось все теснее и неудобнее. Постепенно почти каждую комнату в нем разделили перегородками на две каморки.

По поводу моего прибытия не было устроено никакого празднества. Думаешь, Хуан Тайтай развесила в мою честь красные праздничные флажки в парадной комнате на первом этаже, и Тянь Ю спустился туда, чтобы меня поприветствовать? Как бы не так! Она отправила меня на кухню на втором

этаже, куда дети обычно не ходили. Там было место поварам и слугам. Так мне дали понять мое положение в доме.

В тот первый день я, в своем лучшем халате на теплой подкладке, стояла у низкого деревянного столика и резала овощи. Я не могла унять дрожь в руках. Мне хотелось обратно к своим родным, и в животе холодело при мысли, что судьба привела меня в окончательно предназначенное мне место. Но я считала себя обязанной соблюдать данное моими родителями обещание, чтобы Хуан Тайтай не смогла обвинить мою маму в том, что она не сдержала своего слова. Этой победы над нашей семьей ей никогда не дождаться, сказала я себе.

Я думала обо всем этом и не сразу заметила, что старая служанка, которая потрошила рыбу, согнувшись над тем же низеньким столиком, искоса посматривала на меня. Я плакала и потому испугалась: ведь она расскажет об этом Хуан Тайтай. Поэтому я через силу улыбнулась и воскликнула: «Как же мне повезло! У меня будет чудесная жизнь!» В своем стремительном порыве я, должно быть, взмахнула ножом слишком близко от ее носа, потому что она сердито крикнула: «Шэмма бэньди жэнь! – Что ты за дура такая!» И в тот же самый момент я поняла, что это было предостережением мне, потому что, выкрикнув вслух, какое счастье меня ожидает, я почти поверила в это, чуть не перехитрив саму себя.

Тянь Ю я увидела за вечерней трапезой. Я все еще была на несколько дюймов выше него, но он вел себя как важный господин. Я знала заранее, какой из него выйдет муж, – хотя бы по тому, как он сознательно доводил меня до слез. Он возмущался, что суп недостаточно горячий, и потом будто бы нечаянно опрокидывал чашку. Он дожидался, пока я сяду за стол, и тогда требовал себе еще одну чашку риса. Он кричал, чтобы я не делала такое кислое лицо, когда на него смотрю.

В течение нескольких следующих лет Хуан Тайтай приказывала слугам обучать меня разным вещам. Я должна была научиться делать острые уголки у наволочек и вышивать на них «Хуан». «Как может жена содержать дом своего мужа в порядке, если она боится запачкать руки», – любила говаривать Хуан Тайтай, поручая мне очередное задание. Не думаю, чтобы Хуан Тайтай когда-нибудь пачкала свои руки, но она была очень искусна по части раздачи приказов и распоряжений.

«Научи ее, что рис надо промывать до тех пор, пока вода не станет прозрачной. Нельзя, чтобы ее муж ел грязный рис», – говорила она поваренку.

В другой раз она приказывала слуге показать мне, как надо мыть ночной горшок: «Заставь ее засунуть туда нос, чтобы убедиться, что он чисто вымыт». Таким образом я приучалась быть послушной женой. Я научилась так хорошо готовить, что, не пробуя, только по запаху узнавала, не пересолена ли мясная начинка. Я научилась делать такие маленькие стежки, что вышивка казалась нарисованной. Хуан Тайтай даже возмущалась иногда – по своему обыкновению, притворно, – что не успевает бросить грязную блузку на пол, как та уже выстирана, и поэтому ей, бедняжке, приходится каждый день носить одно и то же.

Через какое-то время я уже не думала, что моя жизнь ужасна, – нет-нет, вовсе нет. Меня так вымуштровали, что я со всем смирилась. В то время для меня не было большего счастья, чем видеть, как все с жадностью заглатывают хрустящие грибы и бамбуковые ростки, которые я помогала готовить, и большей награды, чем одобрительный кивок Хуан Тайтай, после того как я закончила расчесывать ее волосы в сто приемов. Что могло быть для меня большей радостью, чем то, что Тянь Ю съел целую миску лапши без единой жалобы на вкус блюда или на то, как я на него смотрю? Знаешь, по американскому телевидению показывают таких женщин: они просто сияют от счастья, что удалось вывести пятно и теперь одежда выглядит лучше, чем новая. Я была совсем как эти женщины.

Ты видишь, что мысли Хуанов почти что въелись в мою кожу? Я стала думать о Тянь Ю как о боге, как о ком-то, чье мнение стоит куда больше, чем моя собственная жизнь. Я стала думать о Хуан Тайтай как о своей настоящей матери, как о человеке, которому я должна угождать, подражать и повиноваться беспрекословно.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет по лунному календарю, Хуан Тайтай сказала, что готова к следующей весне принять внука. Даже если бы я не захотела замуж, где бы я нашла пристанище? Даже если я была вынослива как лошадь, куда бы я убежала? Японцы были в Китае на каждом шагу.

* * *

– Японцы нагрянули как незваные гости, – сказала бабушка Тянь Ю, – и поэтому никто не пришел.

Хуан Тайтай тщательно все распланировала, но свадьба получилась очень скромной.

Она пригласила всю деревню, а также друзей и родственников из других городов. Тогда нельзя было прислать письмо с вежливым отказом. Проигнорировать приглашение было неприлично. Хуан Тайтай не думала, что война может заставить людей забыть о хороших манерах. Поэтому повариха и ее помощница наготовили сотни разных блюд. Старая мебель моих родителей была вычищена до блеска и выставлена в парадной гостиной, превратившись в солидное приданое. Хуан Тайтай позаботилась о том, чтобы удалить с нее все грязные пятна и потеки. Она даже поручила кому-то изготовить флажки красного цвета с поздравлениями и пожеланиями счастья, будто бы от имени моих родителей. Она распорядилась заказать для свадебной церемонии красный паланкин, в котором меня должны были принести к Хуанам из соседского дома.

На день свадьбы выпало много неудач, хотя сваха выбрала для него счастливую дату: пятнадцатый день восьмой луны, когда луна становится абсолютно круглой и большой – больше, чем в любое другое время года. Но за неделю до появления луны появились японцы. Они наводнили Шаньси и соседние провинции. Люди нервничали. А утром пятнадцатого числа, в день свадьбы, пошел дождь, что было очень плохим знаком. Когда разразилась гроза, приглашенные, приняв гром и молнии за японские бомбы, не отважились выйти из своих домов.

Позже мне сказали, что бедная Хуан Тайтай ждала несколько часов, не соберется ли побольше гостей, но не из пальца же их высасывать, и поэтому в конце концов ей пришлось дать разрешение начинать церемонию. Что еще оставалось делать? Не могла же она отменить войну.

Я ждала в доме у соседей. Когда мне крикнули, что пора спускаться вниз, где меня ждал красный паланкин, я сидела за маленьким туалетным столиком возле открытого окна. Я плакала и сокрушалась о том, что родители обещали меня в жены Тянь Ю. Мне хотелось понять, почему моя судьба была решена за меня, почему я должна была стать несчастной ради того, чтобы кто-то другой был счастлив. С моего места у окна была видна река Фэн, несущая свои мутные коричневые воды. Я подумала о том, не броситься ли мне в эту реку,

разрушившую счастье моей семьи. Когда человеку кажется, что его жизнь близка к концу, у него появляются странные мысли.

Снова пошел дождь, но не сильный. Снизу мне крикнули еще раз, чтобы я поспешила, и мои мысли стали еще более торопливыми, еще более странными.

Я спросила сама себя: «Что составляет суть человека? Могу ли я измениться так же, как река меняет свой цвет, оставаясь при этом самой собой?» И тут я увидела, как стремительным порывом воздуха раздуло шторы, как снаружи еще сильнее полил дождь, заставив всех с криками разбежаться. Я улыбнулась. Я осознала тогда, что впервые вижу силу ветра. Сам ветер был невидим, но было видно, как он нес воду, наполнявшую реки и заливавшую окрестности. Он заставлял людей взвизгивать и ускорять шаги.

Я утерла слезы и посмотрела в зеркало. Меня удивило то, что я там обнаружила. На мне было чудесное красное платье, но я смотрела не на него. Я увидела кое-что поважнее. Я была сильной. Я была юной. Мои мысли были чисты, и их никто не мог ни увидеть, ни отнять у меня. Я была как ветер.

Я откинула голову и гордо улыбнулась себе. Потом закрыла лицо большим красным вышитым шарфом и спрятала под ним свои мысли. Но и под шарфом я теперь знала, кто я. Я дала себе обещание всегда помнить желания своих родителей, но никогда не забывать о себе самой.

Когда меня принесли на свадьбу, из-за красного шарфа на лице я ничего перед собой не видела, но, наклоняя голову, могла смотреть по сторонам. На церемонии было очень мало людей. Мне были видны Хуаны, всё те же старые, вечно всем недовольные домочадцы, сейчас раздосадованные столь жалким ходом торжества, музыканты со своими скрипками и флейтами и еще несколько деревенских соседей, отважившихся выйти из дома в такую погоду ради бесплатного угощения. Среди гостей были даже слуги с детьми, которых, должно быть, позвали, чтобы торжество выглядело более пышным.

Кто-то взял меня за руку и повел по дорожке. Я шла как слепец, которого ведут навстречу его судьбе. Но я уже не боялась. Я знала, что у меня внутри.

Церемонию вел важный чиновник. Он страшно долго разглагольствовал о древних философах и образцах благочестия. Потом сваха говорила о наших днях

рождения, о гармонии в браке и о будущем потомстве. Я наклонила закутанную шарфом голову и увидела, как ее руки разворачивают красный шелковый платок и выставляют на всеобщее обозрение красную свечу.

Эта свеча была двойная. С одной стороны на ней были вырезаны золотые иероглифы с именем Тянь Ю, с другой стороны – с моим. Сваха подожгла оба фитиля и провозгласила: «Бракосочетание началось». Тянь Ю стащил шарф с моего лица и разулыбался, повернувшись к своим друзьям и родственникам, а на меня даже ни разу не взглянул. Он напоминал мне молодого павлина, за которым я однажды наблюдала: развернув свой куцый хвост, тот так важничал, будто закрыл им весь двор.

Я видела, как сваха поставила свечу в золотой подсвечник и вручила его взволнованной служанке. Этой девочке полагалось и во время застолья, и целую ночь после него следить за свечой, дабы удостовериться, что ни один из фитилей не погас. Наутро сваха должна была продемонстрировать всем остатки свечи – щепотку черного пепла – и объявить: «Свеча горела всю ночь, ни один из фитилей не погас. Этот брак никогда не распадется».

Я помню всё это очень хорошо. Свеча связывала брак гораздо более крепкими узами, чем брачный обет у католиков. Я не имела права не только на развод, но и на то, чтобы выйти замуж повторно, даже если бы Тянь Ю умер. Эта красная свеча навсегда приковывала меня к моему мужу и его дому, и никаких исключений не допускалось.

Так все и случилось: на следующее утро сваха сказала то, что полагалось сказать, и, продемонстрировав всем остатки свечи, объявила, что она свое дело сделала. И только одна я знала, что произошло в действительности, потому что я не спала всю ночь, оплакивая свой выход замуж.

* * *

После застолья небольшая кучка гостей вытолкала нас из комнаты и почти что донесла до маленькой спальни на третьем этаже. Взрослые отпускали громкие шуточки и выгоняли мальчишек из-под нашей кровати. Сваха помогла малышам разыскать красные яички, спрятанные в одеялах. Мальчишки примерно такого же возраста, как Тянь Ю, усадили нас на кровать и всё пытались заставить нас целоваться, пока наши лица не покраснеют от страсти. На галерее около

открытого окна взорвалась хлопушка, и кто-то сказал, что это хороший повод для меня броситься в объятия мужа.

Когда все ушли, мы еще долго сидели бок о бок, не говоря ни слова и прислушиваясь к доносившемуся снаружи хохоту. Когда все стихло, Тянь Ю сказал: «Это моя постель. Ты будешь спать на диване», и сунул мне в руки подушку и тоненькое одеяло. Как я была рада! Я дождалась, пока он заснул, а потом осторожно встала, спустилась вниз по лестнице и вышла на темный двор.

Воздух снаружи был влажный: наверное, снова собирался дождь. Я плакала, ступая босыми ногами по мокрым плитам двора и ощущая идущее от камней тепло. На противоположной стороне двора желтым пятном светилось открытое окно, за которым была видна служанка свахи. Она сидела у стола и, сонно моргая, смотрела на красную свечу, горевшую в специальном золотом подсвечнике. Я села под деревом, чтобы быть свидетелем того, как решается моя судьба.

Должно быть, я задремала, потому что помню, что испуганно встрепенулась от оглушительного раската грома. И тогда я увидела, как служанка выбегает из комнаты, перепуганная, точно цыпленок, за которым гонится кухарка с ножом. «О, она тоже спала, – подумала я, – и теперь решила, что это японцы». Я засмеялась. Молния озарила небо, снова загрохотал гром, а служанка уже вылетела со двора и помчалась вниз по дороге с такой скоростью, что камни разлетались у нее из-под ног. «Интересно, куда она собирается убежать?» – спросила я себя, продолжая смеяться. И тут я увидела, как пламя свечи слегка дрогнуло от ветра.

Я ни о чем не думала, когда ноги сами подняли меня и привели через двор в эту тускло освещенную комнату, но я надеялась… я молила Будду, Всемилостивейшую Богиню Гуаньинь и Госпожу Луну загасить эту свечу. Огоньки затрепетали и отклонились в сторону, сделавшись совсем маленькими, но все-таки оба продолжали гореть. Я так волновалась, что у меня перехватило дыхание, но в конце концов оно прорвалось с такой силой, что загасило фитиль моего мужа.

Я содрогнулась от страха. Мне казалось, что сейчас из воздуха появится нож и поразит меня насмерть. Или небо расколется пополам, и меня сметет с лица земли. Но ничего не произошло, и, придя в себя, я вернулась в нашу спальню быстрыми виноватыми шагами.

На следующее утро сваха торжественно объявила Тянь Ю, его родителям и мне: «Мое дело сделано» – и высыпала на красную ткань оставшийся от свечи черный пепел. Но я видела краску стыда на лице служанки и ее потупленный взгляд.

* * *

Я научилась любить Тянь Ю, только это не то, что ты думаешь. При мысли, что однажды наступит день, когда он взгромоздится на меня и займется своим делом, меня начинало мутить. Всякий раз, когда я входила в нашу спальню, у меня волосы поднимались дыбом. Но в первые месяцы он не трогал меня. Он спал на кровати, я – на диване.

В глазах его родителей я была примерной женой, как они меня и учили. Каждое утро я приказывала повару зарубить цыпленка и варить его до тех пор, пока из него не выйдут все соки. Я собственноручно процеживала бульон в чашку, никогда не добавляя в него ни капли воды, и подавала его Тянь Ю на завтрак, произнося затверженное пожелание быть бодрым и здоровым и здоровья. Чтобы ублажить свою свекровь, я каждый вечер готовила доунау, особый бодрящий суп, который должен был быть не просто вкусным, а еще и состоять из восьми ингредиентов, гарантирующих долгую жизнь матерям.

Но этого ей было недостаточно для полного счастья. Однажды утром мы с Хуан Тайтай сидели вместе и вышивали. Я вспоминала свое детство и лягушку, которую звали Большой Ветер. Хуан Тайтай сидела как на иголках – ерзала на стуле и сердито сопела, потом резко встала, подошла ко мне и залепила пощечину.

– Ах ты дрянь! – крикнула она. – Если ты будешь и дальше отказываться спать с моим сыном, я перестану тебя кормить и одевать.

Так я узнала, что придумал мой муж, чтобы избежать материнского гнева. Я кипела от злости, но не произнесла ни слова, помня данное родителям обещание быть послушной женой.

В ту ночь я села на кровать к Тань Ю и стала ждать, что он дотронется до меня. Но он и не подумал. Я вздохнула с облегчением. На другой день я легла на кровать рядом с ним. Но и тогда он не дотронулся до меня. Поэтому на

следующую ночь я сняла ночную рубашку.

И тогда я увидела, какой он на самом деле. Он отвернулся от меня в испуге. Он не хотел со мной спать, а по его страху я догадалась, что он вообще не хотел женщин. Маленький мальчик, который так и не стал большим. Через какое-то время я перестала бояться. Я даже стала по-другому к нему относиться. Но не как к любимому мужу, а скорее как к младшему брату, который нуждается в покровительстве. Я снова надела ночную рубашку, легла рядом с ним и погладила его по спине. Я знала, что бояться мне больше нечего. С тех пор я спала рядом с Тянь Ю. Он никогда и пальцем не тронул бы меня, а у меня появилась удобная постель.

Прошло еще несколько месяцев. Мои живот и грудь оставались маленькими и плоскими, и злость Хуан Тайтай приобрела другой оттенок:

– Мой сын сказал, что он оплодотворил тебя столько раз, что хватило бы на тысячи внуков. И где же они? Это, должно быть, ты делаешь что-то неправильно.

Она запретила мне вставать с постели, чтобы семена, предназначенные для ее внуков, не могли так легко из меня выскользнуть.

О, по-твоему, это большое удовольствие – лежать целый день в постели? А я тебе скажу: это было хуже, чем в тюрьме. Мне казалось, Хуан Тайтай слегка помешалась.

Она велела слугам убрать из комнаты все острые предметы, полагая, что ножи и ножницы могут перерезать нить жизни будущих поколений рода. Она запретила мне шить. Она велела мне сосредоточиться и не думать ни о чем другом, только о детях. Четыре раза в день в мою комнату входила милейшая служанка и, беспрестанно прося прощения, заставляла меня пить отвратительное на вкус лекарство.

Я завидовала этой девочке, потому что она могла выйти за дверь. Иногда, наблюдая за ней из окна, я представляла себе, что я – эта девушка, и что это я стою посреди двора, торгуюсь со странствующим сапожником, болтаю с другими служанками, поддразниваю красавчика посыльного своим высоким задиристым голосом.

Однажды, когда прошло еще два месяца безо всякого результата, Хуан Тайтай пригласила в дом старую сваху. Та внимательно осмотрела меня, припомнила день и час моего рождения, справилась у Хуан Тайтай о моем характере и наконец выдала свое заключение:

– Теперь ясно, в чем дело. У женщины может появиться сын только при недостатке какого-либо из элементов. У твоей невестки с самого рождения было достаточно дерева, огня, воды и земли, ей не хватало только металла. Но когда она вышла замуж, ты увешала ее золотыми браслетами и другими украшениями, так что теперь у нее есть всё, включая металл. А при полном наборе элементов она не может забеременеть.

Эта новость только обрадовала Хуан Тайтай: она ужасно любила хвастаться, что надарила мне кучу золотых украшений, чтобы уберечь от бесплодия. Я тоже обрадовалась, потому что почувствовала себя куда легче и свободнее после того, как с меня сняли все это золото. Говорят, такое случается при недостатке металла. Ты начинаешь мыслить как независимый человек. В тот день я стала думать о том, как бы мне освободиться от этого брака, не нарушив своего обещания родителям.

На самом деле это оказалось очень просто. Я заставила Хуанов думать, что идея избавиться от меня сама пришла им в голову и что они сами решили считать свадебный контракт недействительным.

Много дней я продумывала свой план. Я наблюдала за всеми окружающими; я читала мысли, написанные на их лицах, и однажды почувствовала, что готова. Я выбрала благоприятный день: третий день третьей луны. Это был праздник Чистых и Светлых Дней. В этот день ваши мысли должны быть особенно чистыми: вы готовитесь поминать своих предков. В этот день люди приходят к семейным могилам. Они берут с собой мотыги и метлы, чтобы обиходить могилы, избавиться от сорняков и дочиста вымести каменные дорожки, и приносят пирожки и апельсины, чтобы угостить духов. Нет, этот праздник вовсе не мрачный, поход к могилам получается чем-то вроде пикника, но он имеет особое значение для тех, кто мечтает о внуках.

Утром этого дня я разбудила Тянь Ю и весь дом своими причитаниями. Прошло довольно много времени, прежде чем Хуан Тайтай пришла в нашу спальню.

– Что там с ней случилось? – прокричала она из своей комнаты и приказала кому-то: – Пойди и успокой ее.

Но поскольку мои вопли так и не затихли, она немного погодя ворвалась в спальню и принялась было отчитывать меня своим визгливым голосом.

Я зажимала себе рот одной рукой, а глаза – другой. Мое тело извивалось так, словно меня терзала страшная боль. Это было вполне убедительно, потому что Хуан Тайтай отшатнулась и сжалась в комок, как испуганный зверь.

– Что с тобой, доченька? Говори скорее! – воскликнула она.

– О нет, это слишком ужасно, я не могу ни думать об этом, ни говорить, – выговорила я, не переставая корчиться и стонать.

Попричитав достаточно, я наконец объяснила, о чем же мне было так страшно думать.

– Мне приснился сон, – сказала я. – Наши предки пришли ко мне и сказали, что хотят увидеть нашу свадьбу. Поэтому мы с Тянь Ю устроили еще одну точно такую же церемонию для предков. Мы увидели, как сваха зажгла свечу и отдала ее служанке, чтобы та следила за ней. Наши предки были так довольны, так довольны… – Я опять начала тихонько плакать, но Хуан Тайтай бросила на меня раздраженный взгляд. – Но потом служанка вышла из комнаты, где стояла свеча, и тут подул сильный ветер и загасил свечу. Предки очень рассердились. Они закричали, что наш брак обречен. Они сказали, что огонек Тянь Ю задуло! Наши предки объявили, что если Тянь Ю останется в этом браке, он умрет!

Лицо Тянь Ю побелело. Но Хуан Тайтай только нахмурилась:

– Ты просто глупая девчонка, поэтому тебе и снятся такие сны! – И велела всем возвращаться по постелям.

– Мама, – позвала я ее хриплым шепотом. – Пожалуйста, не уходите! Мне страшно! Наши предки сказали, что, если семья не примет меры, они исполнят свою страшную угрозу.

– Что за чушь! – закричала Хуан Тайтай, снова поворачиваясь ко мне.

Тянь Ю повернулся вместе с матерью; лицо у него было такое же хмурое, как у нее. И я поняла, что они почти попались – две утки, подбирающиеся к приманке.

– Они сказали, что вы не поверите мне, – произнесла я с отчаянием в голосе, – ведь для меня большая честь быть женой Тянь Ю. Поэтому предки пообещали дать знаки, что порча уже коснулась нашего брака.

– Что за ерунду мелет твой глупый язык, – сказала Хуан Тайтай со вздохом, но удержаться не смогла: – Какие знаки?

– Мне приснился мужчина с длинной бородой и родимым пятном на щеке.

– Дедушка Тянь Ю? – спросила Хуан Тайтай.

Я кивнула, вспоминая хорошо известный мне портрет на стене.

– Он сказал, что нам будут даны три знака. Во-первых, он нарисовал черное пятно на спине Тянь Ю и сказал, что оно разрастется и съест все тело Тянь Ю, точно так же, как было съедено лицо дедушки перед смертью.

Хуан Тайтай быстро повернулась к Тянь Ю и задрала ему рубашку.

– Ай-йя! – вскрикнула она, потому что пятно действительно там было – та самая черная родинка, размером с отпечаток пальца, такая же точно, какой я ее видела на протяжении последних пяти месяцев, когда мы с Тянь Ю спали вместе как брат и сестра.

– И тогда наш предок дотронулся до моего рта, – я похлопала себя по щеке, будто она уже болела. – Он сказал, что у меня будут выпадать зубы, один за другим, до тех пор, пока я не перестану противиться расторжению нашего брака.

Хуан Тайтай раскрыла мой рот и содрогнулась, увидев дырку на месте сгнившего коренного зуба, выпавшего четыре года назад.

– И наконец я увидела, как он оплодотворил своим семенем чрево служанки. Он сказал, эта девочка только прикидывается, будто вышла из бедной семьи. На самом деле в ней течет императорская кровь, и…

Я откинула голову на подушку, сделав вид, что продолжать у меня нет сил. Хуан Тайтай вцепилась мне в плечо:

– Что он сказал?

– Он сказал, что эта девочка предназначена небом в жены Тянь Ю, и что из его семени вырастет ребенок Тянь Ю.

Еще до обеда они приволокли служанку свахи в наш дом и выколотили из нее ужасное признание.

И после долгих поисков они разыскали служанку, которая мне так нравилась, ту самую, за которой я наблюдала каждый день из окна. Я видела, что, когда бы вблизи нее ни появлялся красавчик посыльный, ее глаза расширялись и задиристый голос становился тише. А позже я заметила, как округляется ее живот, а лицо вытягивается от тревоги и страха.

Можешь себе представить, как счастлива она была, когда они заставили ее рассказать правду о своем императорском происхождении. Я слышала потом, что чудо вступления в брак с Тянь Ю настолько ее поразило, что она стала очень набожной и приказывала слугам подметать могилы предков не просто раз в год, а каждый день.

* * *

К этой истории больше нечего добавить. Они не очень сильно винили меня. Хуан Тайтай получила внука. А я получила одежду, билет до Пекина и столько денег, что мне хватило на дорогу в Америку. Хуаны просили только, чтобы я никогда не рассказывала сколь-нибудь значимым лицам историю своего расторгнутого брака.

Это подлинная история о том, как я сдержала слово и принесла в жертву свою жизнь. Посмотри на золото, которое я сейчас ношу. Когда я подарила жизнь

двум твоим братьям, твой отец подарил мне эти два браслета. Потом родилась ты. И каждые несколько лет, когда у меня появляется немного лишних денег, я покупаю еще один браслет. Я знаю, чего стою. Все они настоящие, в каждом двадцать четыре карата.

Но одного я никогда не забываю. В праздник Чистых и Светлых Дней я снимаю все свои браслеты. Я вспоминаю, как однажды пережила настоящее озарение, и к чему это привело. И помню тот день, когда молоденькой девочкой, с лицом, закутанным красным свадебным шарфом, обещала не забывать себя.

Как чудесно снова стать той девочкой, снять с себя шарф, открыть лицо и почувствовать, каким легким опять становится тело!

Иннин Сент-Клэр

Госпожа Луна

Все эти годы я держала при себе все свои желания. И поскольку я так долго молчала, сейчас меня не слышит даже моя собственная дочь. Она сидит у своего новомодного бассейна и слышит только свой плеер, свой радиотелефон и своего большого важного мужа, а он интересуется, почему, купив уголь для жаровни, она забыла про жидкость для розжига.

Все эти годы я скрывала свою истинную натуру, стараясь быть незаметной тенью, которую никому не ухватить. И поскольку я так долго скрывалась, сейчас меня не видит даже моя собственная дочь. Она видит только свои долги в банке, список необходимых покупок и стоящую не на подобающем ей месте пепельницу.

И я хочу сказать ей вот что: мы потеряли себя – она и я, невидимые и невидящие, неслышные и неслышащие, – для окружающих нас не существует.

Я теряла себя постепенно. Годами я терла свое лицо, смывая с него боль: так вода окатывает камни, сглаживая царапины.

Но даже сейчас я могу припомнить то время, когда бегала и громко разговаривала, и не могла ни минуты посидеть спокойно. Мое самое раннее воспоминание: сказать Госпоже Луне свое заветное желание. Но так как я забыла, что это было за желание, воспоминание все эти долгие годы от меня ускользало.

Но недавно это желание всплыло в моей памяти, и я могу припомнить тот день во всех его подробностях так же ясно, как вижу сейчас свою дочь и всю нелепость ее жизни.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году, когда мне исполнилось четыре года, праздник Луны в Уси пришелся на необычайно жаркую осень, страшно жаркую. Когда я проснулась в то утро, в пятнадцатый день восьмой луны, соломенный матрас на моей кровати был уже весь липкий. В комнате стоял запах прелой травы.

Еще в начале лета слуги повесили на все окна бамбуковые жалюзи, чтобы защитить комнаты от солнца. Постели были застланы тканными покрывалами – единственным постельным бельем на месяцы постоянной влажной жары, – а горячие кирпичи во дворе покрыты крест-накрест бамбуковыми матами. И вот уже наступила осень, но не принесла ни обычной утренней свежести, ни вечерней прохлады. Поэтому в тени за шторами все еще держалась надоевшая всем жара, усиливая едкий запах моего ночного горшка, проникая в мою подушку, нагревая затылок и щекоча щеки. Именно поэтому, проснувшись в то утро, я долго еще пребывала в плохом настроении.

Снаружи в комнату проникал еще какой-то запах: что-то горело, источая острый аромат, сладкий и горький одновременно.

– Чем это так противно пахнет? – спросила я свою аму, няню, которая всегда ухитрялась появляться у моей постели, едва только я просыпалась. Она спала на узеньком диванчике в крохотной комнатушке по соседству с моей.

– Я тебе это объясняла еще вчера, – сказала она, вытаскивая меня из постели и сажая к себе на колени.

В моем полусонном сознании с трудом всплыло воспоминание о том, что она мне говорила днем раньше.

– Мы сжигаем Пять Воплощений Зла, – сонно пробормотала я и соскользнула с ее теплых колен.

Я забралась на табуреточку у окна и посмотрела вниз. Во дворе лежало зеленое кольцо, похожее на свернувшуюся змею, из хвоста которой клубами валил желтый дым. Накануне ама показывала мне разноцветную шкатулку, на которой были изображены Пять Воплощений Зла: плывущая змея, ползущий скорпион, летящая сороконожка, падающий паук и прыгающая ящерица. Укус любой из этих тварей может убить ребенка, объяснила ама. Поверив, что мы поймали Пять Зол и сжигаем их трупы, я успокоилась. Я не знала, что зеленое кольцо было попросту смесью разных трав, дым которых отгонял комаров и мошек.

В тот день, вместо того чтобы надеть на меня полотняную кофту и просторные штаны, ама принесла тяжелый шелковый жакет на подкладке и такие же штаны желтого цвета, с нашитыми по бокам черными лентами.

– Сегодня никаких игр, – сказала ама, распахивая жакет. – Для праздника Луны мама приготовила тебе костюм тигра. – Она засунула меня в штаны. – Это очень важный день, ты теперь большая девочка, так что можешь пойти на церемонию.

– А что такое «церемония»? – спрашивала я, пока ама надевала мне жакет поверх хлопчатобумажного белья.

– Это когда ты все делаешь как нужно, чтобы боги тебя не наказали, – говорила ама, застегивая пряжки, сделанные в виде лягушек.

– А как они могут наказать? – не отставала я.

– Слишком много вопросов! – воскликнула ама. – Не надо тебе ничего понимать. Просто делай всё как твоя мама. Зажги ароматическую палочку, поклонись, принеси жертву Луне. Не позорь меня, Иннин.

Я недовольно опустила голову и стала разглядывать черные узоры на рукавах: крошечные вышитые пионы, вырастающие из расшитых золотой нитью завитков.

Я вспомнила, что видела, как мама втыкала серебряную иголочку в шитье и вытягивала ее, и как под ее ловкими руками на одежде расцветали цветы, появлялись листья и виноградные лозы.

Потом во дворе послышались голоса. Я привстала на цыпочки, чтобы увидеть со своей табуретки, кто это говорит. Кто-то жаловался: «…потрогай мою руку, от жары она размякла до костей». На праздник Луны понаехало множество родственников с севера, и они собирались прогостить у нас неделю.

Ама начала расчесывать мне волосы широким гребнем, но как только гребень доходил до спутанной пряди, я делала вид, что вот-вот свалюсь с табуретки.

– Стой спокойно, Иннин! – покрикивала ама.

Она всегда сердилась, когда я хихикала и вертелась. Потом она натянула расчесанные волосы во всю длину, как вожжи, и, пока я не успела свалиться с табуретки, заплела их в косу. Коса начиналась немного сбоку; ама вплела в нее пять разноцветных шелковых лент, потом скрутила косу в тугой шар, а концы шелковых лент расправила и подровняла, чтобы получилась аккуратная кисточка.

Ама повернула меня кругом, чтобы оглядеть свою работу. Я поджаривалась в своем жакете на подкладке и в штанах, явно рассчитанных на более прохладный день. Кожа у меня на голове горела от аминых стараний. Что же это за день такой, чтобы принимать из-за него столько мучений?

– Прекрасно, – произнесла ама, не обращая внимания на мое хмурое лицо.

– А кто сегодня приезжает? – спросила я.

– Дацзя! – Вся семья! – радостно сказала она. – Мы все отправляемся на озеро Тай. Наша семья взяла напрокат джонку со знаменитым поваром. И сегодня во время церемонии ты увидишь Госпожу Луну.

– Госпожу Луну! Госпожу Луну! – закричала я, прыгая от восторга. Понаслаждавшись приятным звучанием своего голоса, произносящего новые слова, я дернула аму за рукав и спросила: – А кто такая Госпожа Луна?

– Чанно. Она живет на Луне. А сегодня единственный день, когда с ней можно увидеться, и она исполнит твое заветное желание.

– А что такое «заветное желание»?

– Это то, чего ты хочешь, но о чем нельзя попросить, – сказала ама.

– А почему я не могу попросить?

– Потому что… потому что, если ты просишь о чем-то… это уже эгоизм, – сказала ама. – Разве я тебя не учила, что нехорошо думать только о себе? Девочка должна не говорить, а слушать.

– Тогда как же Госпожа Луна узнает мое желание?

– Ай! Ты слишком много хочешь знать! Ее можно попросить, потому что она – не обычный человек.

Удовлетворившись таким ответом, я немедленно заявила:

– Тогда я скажу ей, что не хочу больше носить эту одежду.

– Ах! Разве я только что не объяснила тебе? – сказала ама. – Сейчас, когда ты проговорилась, это уже не заветное желание.

Во время завтрака казалось, что никто не спешит на озеро. То один, то другой брал со стола что-нибудь еще. И после завтрака все продолжали разговаривать о всяких пустяках. С каждой минутой я все больше тревожилась и чувствовала себя все несчастнее.

– «…Осенняя луна теплеет. Чу! Возвращаются тени гусей». – Папа декламировал длинное стихотворение, которое он разобрал в древней надписи на камне. – Третье слово в следующей строфе, – объяснил он, – стерлось, его значение веками смывали дожди, и оно было уже почти утрачено для потомков.

– Да, но по счастью, – вмешался мой дядя, и в глазах у него сверкнули веселые огоньки, – ты у нас тонкий знаток древней истории и литературы. Я думаю, ты смог разрешить эту загадку.

– «Мгла зацветает сиянием. Чу!..» – ответил отец следующей строфой.

Мама рассказывала тете и старушкам, как надо смешивать различные травы и всяких насекомых, чтобы сделать бальзам.

– Натирать надо здесь, между этими двумя точками. Втирайте энергично, пока кожу не начнет жечь, тогда вся боль сгорит.

– Да как же можно растирать опухшую ногу? – возразила одна старушка. – И внутри, и снаружи будет болеть. Все такое чувствительное – дотронуться нельзя!

– Это жжение может спалить все мышцы, – высказала опасение другая старушка.

– От него будут слезиться глаза! – воскликнула моя двоюродная бабушка.

Я только вздыхала, когда они начинали новую тему. Наконец ама обратила на меня внимание и дала мне пряник в виде лунного зайца[4 - Во время праздника Луны в Китае широко используют изображение зайца в качестве декоративного элемента, ибо считают, что сочетание темных и светлых пятен, наблюдаемых на Луне, образует рисунок, похожий на зайца.]. Она сказала, что я могу пойти во двор и поделить его с двумя своими сестрами, Номером Два и Номером Три.

Когда держишь в руке лунный пряник, забыть о джонке очень легко. Мы втроем быстренько вышли из комнаты и, едва миновав лунные ворота, ведущие во внутренний двор, с криками бросились наперегонки к каменной скамье. Я была самой старшей и заняла самое лучшее место в тени, где камень был прохладнее. Мои сестры уселись на солнце. Я отломила каждой из них по уху от зайца. Уши были просто из теста, без сладкой начинки из яичного желтка, но сестры были слишком малы, чтобы разбираться в таких тонкостях.

– Сестра любит меня больше, – сказала Номер Два Номеру Три.

– Меня больше, – сказала Номер Три Номеру Два.

– Не спорьте, – сказала я им обеим. Я грызла туловище зайца, проводя языком по губам, чтобы слизать прилипшую к ним сладкую соевую пасту.

Мы смахнули друг с друга последние крошки, и, когда эта забава закончилась, воцарилась тишина. Но мне не сиделось на месте. Заметив невдалеке большую стрекозу пурпурного цвета с прозрачными крылышками, я сорвалась со скамейки и побежала, чтобы схватить ее, а сестры вприпрыжку помчались за мной, стараясь дотронуться до нее, пока она не улетела.

– Иннин! – услышала я голос амы, и Номер Два с Номером Три убежали.

Ама стояла во дворе, а моя мама и остальные женщины уже выходили из дома через лунную арку. Ама подскочила ко мне и наклонилась, чтобы расправить мой желтый жакет.

– Сюнь ифу! Идафаду! – Твой новый костюм! Весь измялся! – в отчаянии закричала она.

Мама улыбнулась и подошла ко мне. Она пригладила мои растрепавшиеся волосы и подоткнула выбившиеся из пучка пряди.

– Это мальчик может бегать и гоняться за стрекозами, потому что у него такая натура, – сказала она. – А девочка должна стоять спокойно. Если ты долго-долго простоишь спокойно, стрекоза перестанет тебя видеть и даже сама подлетит к тебе и спрячется в прохладе твоей тени.

Старушки покудахтали, соглашаясь, а потом все ушли, оставив меня посреди жаркого двора.

Постояв смирнехонько некоторое время, я обнаружила свою тень. Сначала это было просто темное пятно на бамбуковой циновке, покрывавшей плиты во дворе. У тени были короткие ноги, длинные руки и собранная в пучок коса, как у меня. Когда я тряхнула головой, она тоже тряхнула головой. Мы взмахнули руками. Мы подняли ногу. Я повернулась, чтобы уйти, и она пошла за мной. Я быстро обернулась: она была на месте. Я подняла циновку, чтобы посмотреть, свернется

ли тень, а она была уже под циновкой, на каменных плитах. Я ахнула в восторге от ее сообразительности. Я побежала под дерево – тень не отставала от меня. Там она исчезла. Тень мне понравилась: темная моя спутница с такой же неугомонной натурой, как у меня.

Потом я услышала, как ама снова зовет меня:

– Иннин! Пора! Ты готова отправиться на озеро?

Я кивнула и побежала к ней, преследуя себя саму, бегущую впереди.

– Не бегай, ходи не спеша, – наставляла меня ама.

Вся наша семья уже стояла перед домом, переговариваясь с радостным возбуждением. Все были одеты по-парадному. На папе был новый коричневый халат, с виду очень скромный, но отличного покроя и из превосходного шелка. На маме – жакет и юбка, расцветка которых была прямо противоположна цветам моей одежды: черный шелк с желтыми лентами. Мои сестры были в розовых жакетах, как и их матери, младшие жены моего отца. Кофта моего старшего брата была голубого цвета, с вышивкой, напоминающей иероглиф Будды с пожеланиями долголетия. Даже старушки надели ради праздника свои лучшие одежды: мамина тетя, папина мама и ее двоюродная сестра, толстая жена моего двоюродного деда, которая всегда ходила так, словно перебиралась по скользким камням через ручей: сделает два коротеньких шажка и испуганно оглядывается.

Слуги уже собрали и погрузили в повозку рикши все необходимое на день: закрытую крышкой корзину, наполненную цон ци – клейким рисом, завернутым в листья лотоса, с начинкой из жареной свинины или сладких семечек лотоса; маленькую жаровню, чтобы вскипятить воду для чая; корзину с чашками, тарелками и палочками для еды; полотняную сумку с яблоками, гранатами и грушами; запотевшие глиняные кувшины с заготовленным впрок мясом и овощами; груду красных коробок, в каждой из которых лежало по четыре лунных пряника, и, конечно, циновки для послеобеденного сна.

Потом все забрались в повозки; младшие дети сели со своими няньками. Но перед тем как процессия тронулась, в самый последний момент, я выскользнула

из объятий амы, соскочила с рикши и забралась в повозку к маме. Это расстроило аму: во-первых, ей не нравилось, когда я капризничала, а во-вторых, меня она любила больше, чем себя. Когда умер ее муж, она отказалась от своего сына, и ее взяли в наш дом нянькой для меня. Но я никогда не думала о ее чувствах, она слишком избаловала меня; я просто считала, что ама создана специально для моего удобства, – так относятся к вееру летом или к печке зимой, а ценить такие вещи начинают только тогда, когда их лишаются.

Когда мы приехали на озеро, меня разочаровало отсутствие прохладного ветерка. Рикши взмокли от пота и фыркали, как лошади, хватая ртом воздух. Стоя на причале, я смотрела, как старушки и мужчины поднимаются на борт джонки, арендованной нашей семьей. Судно было похоже на плавучий чайный домик с открытым павильоном, гораздо больше того, что стоял у нас во дворе. Павильон был со множеством красных колонн и островерхой черепичной крышей, а за ним располагалось нечто, напоминающее садовый домик с круглыми окошками.

Когда наступила наша очередь, ама крепко схватила меня за руку, и мы перепрыгнули через борт. Но едва лишь мои ноги коснулись палубы, я выдернула свою руку. Вместе с Номером Два и Номером Три мы пробрались между скрытыми под волнами темных и ярких шелковых одежд ногами взрослых и наперегонки помчались в конец палубы.

Мне нравилось, как покачивается палуба – казалось, она вот-вот уйдет из-под ног. Прикрепленные к крыше и перилам красные фонари тоже раскачивались, словно от ветра. Мы с сестрами пробежались пальцами по всем скамейкам и маленьким столикам в павильоне, потом потрогали резьбу на деревянных перилах и просунули головы в отверстия, чтобы посмотреть на воду внизу. Но еще столько интересного оставалось необследованным!

Я приотворила тяжелую дверь, ведущую в садовый домик, – за ней оказалась большая комната, похожая на гостиную. Заливающиеся смехом сестры вбежали туда следом за мной. За другой дверью я увидела людей на кухне. Мужчина с большим разделочным ножом в руках обернулся и начал нам что-то говорить, но мы, смущенно заулыбавшись, ретировались.

На корме мы увидели бедно одетую семью. Мужчина бросал щепки в печку с длинной трубой, женщина резала овощи, двое мальчишек сидели на корточках у самого борта, держа в руках что-то вроде лески с привязанной к ней

проволочной сеткой, опущенной в воду. Эти нахалы даже не взглянули в нашу сторону.

На нос джонки мы вернулись как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющийся от нас причал. Мама и другие женщины уже сидели на скамеечках в павильоне, изо всех сил обмахиваясь веерами и хлопая друг друга, когда на кого-нибудь садился комар. Папа и дядя, облокотившись на перила, вполголоса вели какой-то серьезный разговор. Мой брат в компании со своими двоюродными братьями, отыскав где-то длинную бамбуковую палку, колотил ею по воде, как будто так можно было ускорить движение судна. Собравшиеся на носу слуги, щелкая жареные орешки, грели воду для чая и распаковывали корзины с холодными закусками.

Хотя озеро Тай одно из самых больших в Китае, в тот день на нем, казалось, яблоку негде было упасть. Мимо нас то и дело проплывали разные суденышки – гребные, педальные, парусные, рыбачьи – и плавучие павильоны вроде нашего. Повсюду были люди: кто-то, перегнувшись через борт, опускал руки в холодную воду, кто-то спал под полотняным навесом или под зонтом из вощеной бумаги.

Внезапно я услышала крики: «Ах! Ах! Ах!» – и подумала: ну наконец-то, день начался! Примчавшись в павильон, я обнаружила, что это смеются мои дяди и тети, пытающиеся ухватить палочками креветок, которые все еще извивались в своих панцирях, растопырив крохотные ножки. Значит, вот что было в проволочной сетке, болтавшейся за бортом: свежие креветки, которых мой папа окунает сейчас в острый соевый соус и – раз-два – отправляет себе в рот.

Но возбуждение скоро прошло, и день перестал отличаться от любого другого дня у нас дома. Та же вялость после еды. Нагоняющие сон сплетни за чашкой горячего чая. Ама велит мне лечь на циновку. В самый жаркий час дня все засыпают. Тишина.

Я села и увидела, что ама еще спит, лежа наискосок на своей циновке. Тогда я потихоньку пробралась на корму. Там нахальные мальчишки вытаскивали из бамбуковой клетки большую пронзительно кричавшую птицу с длинной шеей. На шее у нее было металлическое кольцо. Один мальчишка держал птицу за крылья, другой привязывал толстую веревку к ушку на этом кольце. Затем они отпустили птицу, и она взмыла вверх, взмахнув белыми крыльями, перелетела

через борт джонки и села на сверкающую воду. Я подошла к борту посмотреть на птицу. Она одним глазом покосилась на меня, потом нырнула и исчезла.

Один из мальчишек бросил на воду тростниковый плот, прыгнул за борт и забрался на плот. Через несколько секунд птица вынырнула, с трудом удерживая в клюве большую рыбину. Вспрыгнув на плот, она попыталась проглотить рыбу, но, естественно, с кольцом на шее не могла этого сделать. Мальчишка на плоту одним движением выхватил у нее рыбу и бросил брату, оставшемуся на борту. Я захлопала в ладоши, а птица снова нырнула в воду.

Целый час, пока ама и все остальные спали, я, точно голодный кот, подкарауливающий добычу, наблюдала, как рыбина за рыбиной появлялись в птичьем клюве лишь для того, чтобы перекочевать в деревянное ведро на палубе. Потом мальчишка на плоту крикнул другому: «Хватит!», а тот что-то прокричал еще кому-то, находившемуся высоко наверху, в той части джонки, которой мне не было видно. Джонка пришла в движение, и тут же снова послышалось громкое звяканье и шипение. Стоявший рядом со мной мальчишка прыгнул в воду. Теперь оба, скорчившись, уселись посередине плота, будто птицы на ветке. Я помахала им рукой, позавидовав их беспечной жизни. Вскоре они были уже далеко от нас – крохотное желтое пятнышко, пляшущее на воде.

Казалось бы, мне вполне могло хватить одного этого приключения. Но я осталась на корме, будто ожидая продолжения чудесного сна. И конечно же долго ждать не пришлось: едва я обернулась, как увидела угрюмую женщину, сидящую на корточках перед ведром с рыбой. Она взяла тонкий острый нож и стала вспарывать рыбам брюхо, вытаскивая оттуда скользкие красные внутренности и швыряя их через плечо в озеро. Я видела, как она соскабливала рыбью чешую, которая разлеталась в стороны, словно осколки стекла. Еще там были две курицы, кудахтавшие до тех пор, пока им не отрубили головы. И большая зубастая черепаха, которая только вытянула шею, чтобы укусить палку, как – вуук! – и ее голова отлетела в сторону. И темное скопище тонких пресноводных угрей, кишевших в тазу. Потом женщина молча собрала все это и унесла на кухню. И больше уже не на что было смотреть.

Только тогда – но слишком поздно! – я догадалась посмотреть на свой новый костюм: пятна крови, приставшая рыбья чешуя, перья и грязь. Тут мне в голову пришла идея – мягко говоря, странная. Заслышав с носовой части лодки голоса просыпающихся родственников, я в панике быстро окунула руки в миску с черепашьей кровью и вымазала ею свои рукава и перед штанов и жакета. Я

совершенно искренне полагала, что смогу замаскировать все пятна, перекрасив костюм в темно-красный цвет, и, если потом буду вести себя примерно, никто не заметит этой перемены.

В таком виде ама и нашла меня: залитое кровью привидение. У меня в ушах до сих пор звучит вопль, который она испустила, в ужасе бросившись ко мне, чтобы определить, каких частей тела у меня не хватает и где кровоточащие раны. Но, осмотрев мои уши и нос, пересчитав пальцы на руках и ничего не обнаружив, ама стала называть меня такими словами, каких я никогда слыхом не слыхивала. Судя по тому, как она выплевывала и швыряла их в меня, слова эти были очень плохие. Приговаривая: «Ах ты такая-сякая!», она сорвала с меня жакет и стянула штаны. Ее голос дрожал не столько от злости, сколько от страха и угрызений совести.

– Сейчас придет твоя мама и с удовольствием вытрет об тебя ноги, – сказала ама в отчаянии. – Она отправит нас обеих в Куньмин.

И тут я не на шутку перепугалась, так как слыхала, что Куньмин находится страшно далеко и туда никто никогда не ездит и что это совершенно дикое место, окруженное каменным лесом, в котором хозяйничают обезьяны. Ама оставила меня на корме, залитую слезами, в одном только хлопчатобумажном белом белье и тигровых шлепанцах.

Я и вправду ждала, что мама вот-вот появится. Я пыталась себе представить, как она посмотрит на мой испорченный костюм, на цветочки, в которые было вложено столько ее труда. Мне казалось, она придет на корму и, по своему обыкновению, мягко пожурит меня. Но мама не приходила. В какой-то момент я услышала шаги, но увидела только лица своих сестер, прижатые к стеклу в двери. Они смотрели на меня во все глаза и тыкали пальцами, а потом засмеялись и убежали.

Вода из темно-золотистой сделалась красной, потом пурпурной и наконец совсем черной. Небо потемнело, и по всему озеру загорелись красные фонарики. Мне было слышно, как кто-то смеялся и разговаривал, какие-то голоса долетали с носа нашей джонки, какие-то – с соседних лодок. Потом я услышала, как распахнулась и захлопнулась деревянная дверь кухни, и воздух наполнился восхитительными ароматами. Из павильона доносились голоса, восклицавшие с

притворным недоумением: «Ах, не может быть! Взгляните сюда! А сюда!» Мне очень хотелось туда, к ним.

Бродя по корме, я прислушивалась к шуму застолья. Хотя уже наступила ночь, было очень светло. Я видела свое отражение в воде: ноги, руки, скользящие по перилам, лицо. И вдруг поняла, почему было так светло: в темной воде у меня над головой плыла полная луна, настолько большая и теплая, что ее можно было принять за солнце. Я обернулась, чтобы разыскать Госпожу Луну и сказать ей свое заветное желание. Но в этот самый момент все остальные тоже, должно быть, ее увидели, потому что раздались взрывы хлопушек. И вдруг я свалилась в воду, даже не услыхав никакого всплеска.

Меня настолько удивила приятная прохлада воды, что в первый момент я даже не испугалась. Мое тело было невесомым, словно во сне. И казалось, что ама немедленно придет и вытащит меня. Но вскоре я начала захлебываться и поняла, что она не придет. Я заболтала под водой руками и ногами. Вода резала мне глаза, попадала в нос и горло, отчего я бултыхалась еще сильнее.

– Ама! – Я попыталась кричать, ужасно рассердившись на нее за то, что она меня бросила и заставляет ждать и страдать понапрасну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140805&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Распространенное в Америке название китайских кварталов; букв. Китай-город. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Китайские пельмени.

3

Китайское овощное блюдо.

4

Во время праздника Луны в Китае широко используют изображение зайца в качестве декоративного элемента, ибо считают, что сочетание темных и светлых пятен, наблюдаемых на Луне, образует рисунок, похожий на зайца.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emi-tan/klub-radosti-i-udachi-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить